

На правах рукописи

КРАВЧЕНКО Михаил Александрович

**ИНТЕГРАЛЬНАЯ НЕОСТРУКТУРАЛИСТСКАЯ
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Ставрополь – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Научный консультант	Бредихин Сергей Николаевич доктор филологических наук, профессор
Официальные оппоненты	Алимурадов Олег Алимурадович доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета, профессор кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» Золян Сурен Тигранович доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» Устинова Татьяна Викторовна доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
Ведущая организация	ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва

Защита состоится «05» октября 2026 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.398.06 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корпус 20, аудитория 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, https://ncfu.ru/upload/medialibrary/edf/zrfwyxbn50ooh9z4mba6gc7s4ql2x6b/Dissertatsiya-Kravchenko-na-sayt-_1_.pdf

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/35849/>

Автореферат разослан «_____» июля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

М.В. Каменский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Понятие метаязыка относится к числу фундаментальных и востребованных в современной гуманитаристике. Помимо лингвистов им оперируют философы, логики, семиотики, литературоведы, психологи, специалисты в области теории коммуникации. Постоянно расширяется его употребление в меж- и трансдисциплинарном пространстве. Однако универсальная идея «мета» одну из самых значимых своих трактовок получает именно в лингвистике. Являясь «домом бытия» (Хайдеггер, 1993, с. 192), язык представляет собой своеобразный гносеологический медиум, через обращение к которому открываются особенности самых разных сторон человеческой жизнедеятельности, бытийность при этом не просто инструментально опосредуется языковыми структурами, но язык является субстанциональным пространством её формирования. В поле знаменитой метафоры Мартина Хайдеггера укладывается и сам язык: он самостоятельно создает дом собственного бытия, не выходя за свои пределы.

Исследование языковой материи позволяет увидеть контуры феномена, который манифестируется «после», «посредством», «через», «за», «над» ней (в соответствии со значениями древнегреческого форманта *μετά-* (*meta-*), которые он передавал на разных этапах своей семантической эволюции). Тем самым метаязык выступает в роли «органа» познания и интерпретации языка. Это стало возможно благодаря тому, что сознание оказалось способно пропустить через собственную интерпретационную матрицу сам язык, что привело к образованию метаязыка, который представляет собой феномен с «двойной онтологией», сочетая в себе признаки языка-объекта и языка-инструмента.

Метаязык характеризуется как «естественный» феномен, что предполагает консубстанциональность языка и метаязыка. Из этого следует, что метаязыковые высказывания строятся с помощью единиц естественного языка на основе реинтерпретации на третьем уровне феноменологической абстракции. Исследование структуры и функционирования естественного метаязыка относится к числу наиболее сложных и интересных задач современной лингвистики, следующей за Мишелем Монтенем в понимании того, что «истолкование истолкований – дело более важное, нежели истолкование вещей» (Монтень, 1960, с. 360).

Языкознание постепенно преодолевает узость взгляда на естественный

метаязык как исключительно на лингвистическую терминологию, расширяя его до любых употреблений языка, обладающих внутренней референцией. Тем самым объем понятия обыденного (неспециализированного) метаязыка включает в себя разнообразные явления – от комментариев семантики слов до конструкций языковой игры. Уникальность феномена обыденного метаязыка и, соответственно, трудность его изучения определяются тем, что он возникает на пересечении «стихий» языка и речи. Поэтому его системное и многоаспектное изучение требует разумного синтеза подходов и инструментов, свойственных для лингвистики языка и лингвистики речи.

Актуальность исследования в первую очередь продиктована действием двух факторов, определяемых нами как «эмпирический» и «эпистемический». Первый из них связан с особенностями актуальной коммуникативной практики. Бурный рост количества метаязыковых контекстов наблюдается в разговорном, публицистическом, художественном, научном дискурсах. Более того, развитие некоторых дискурсивных практик напрямую определяется метаязыковой деятельностью говорящего. Такого рода практики характерны для сфер рекламы, связей с общественностью, перевода, интернет-коммуникации (особенно в жанре интернет-комментариев), а также для широкого круга текстов, создаваемых в жанре энигматики (загадки, кроссворды и другие виды лингвистических игр).

Многие ученые видят в увеличении числа метаязыковых высказываний важнейшую характеристику современного этапа истории речевой коммуникации. В насыщенности метаязыковых контекстов усматривается долговременная тенденция, «состоящая в усилении значимости в общении метаязыковой семантики» (Мечковская, 2006 а, с. 175). Обилие в речи метаязыковых комментариев дают повод говорить о «метаязыковом привкусе эпохи» (Вепрева, 2014 а, с. 128-129). Поэтому высказывания с метаязыковым содержанием можно рассматривать в качестве активного коммуникативного явления, что, в свою очередь, предопределяет актуальность их изучения.

Действие эпистемического фактора опирается на становление и развитие в последние несколько десятилетий ряда лингвистических направлений (представленных разнообразными самобытными научными школами), проявивших предметный интерес к изучению метаязыковой деятельности говорящих. Лингвистика, уделяя основное внимание анализу особенностей внешней

референции языка, долгое время оставляла рассмотрение проблемных вопросов внутренней референции на периферии лингвистической повестки. В ходе своего развития лингвистическая наука значительно расширила предметное поле, а изучение нативного метаязыка превратилось в одну из приоритетных областей научного поиска в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания, что отразилось в публикациях большого количества научных трудов, освещающих результаты исследования метаязыковой рефлексии в её профессиональном или обыденном вариантах (Бредихин и др., 2024 б; Вепрева, 2005; Демьянков, 2002; Зыкова, 2017; Рябцева, 2005; Сорокина, 2007; Шумарина, 2011; Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004 и др.). В настоящий момент следует констатировать, что исследования метаязыковой деятельности носителей языка обладают значительным эвристическим потенциалом и привносят в науку новое актуальное знание.

Вместе с тем вопросы определения системных особенностей, конститутивных признаков, свойств, функциональных ролей обыденного метаязыка, не зависящих от дискурсивной и жанровой специфики привлекаемого материала, до настоящего времени оставались на периферии исследовательского внимания. В поле изучения метаязыка сохраняется большое количество нерешенных задач, имеющих отношение к широкому кругу проблем: от упорядочения и кодификации терминологии до типологического освещения единиц метаязыка. В актуальный момент формируется запрос на обобщение накопленного опыта изучения метаязыка, на синтез идей о метаязыковой деятельности коммуникантов. Еще Р. Якобсон отмечал, что «метаязык как часть языка вообще тоже является структурным образованием» (Якобсон, 1985 д, с. 316). На современном этапе развития лингвистики, находящейся в активном поиске интегральной научной парадигмы (в настоящее время наиболее перспективной формой её реализации представляется неоструктуралистский подход), обращение к установлению и описанию системных признаков метаязыка представляется особенно актуальным. Это соответствует общему тренду развития гуманитарных наук, в которых «вновь утверждается возврат к основам, заложенным в структурной лингвистике и аналитической философии» (Золян, 2014, с. 97). Неоструктуралистский подход призван обеспечить баланс в изучении обыденного метаязыка как системы и как деятельности через синтез исследовательских инструментов лингвистики языка и лингвистики речи (Золян, 2021; 2022).

Отдельно отметим, что актуальность предпринятого исследования обусловлена его междисциплинарностью. Как известно, основной прирост нового знания в последние годы происходит благодаря поиску на стыке научных направлений. Изучение проблем обыденного метаязыка предполагает активное привлечение данных методологической теории, теории референции, семиотики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории текста и различных направлений дискурс-анализа.

Степень научной разработанности проблемы. Выделение проблематики обыденного метаязыка в структуре лингвистического знания было подготовлено фундаментальными исследованиями выдающегося лингвиста XX века Р. Якобсона (Якобсон, 1975; Jakobson, 1985). К постановке и рассмотрению проблем метаязыка Р. Якобсон пришел через анализ и осмысление функций естественного языка. Тем самым была заложена традиция функционального (в прямом, изначальном смысле этого термина) подхода, в русле которого метаязык изучался как функциональная надстройка над языком, обеспечивающая его интерпретацию и описание (Андрусенко, 2011; Бенвенист, 1974; Демьянков, 2011; Рябцева, 2005; Кравченко, 2024 в; Кравченко, 2026 б; Кравцова, 2014 б; Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004; Kačerauskas, Mickūnas, 2020; Rey-Debove, 1997 и др.).

Обыденный метаязык широко изучался с позиций лингвистики текста. Основоположник данной традиции А. Вежбицка сформулировала научный базис для рассмотрения *метатекста* в качестве уникальной текстовой категории (Wierzbicka, 1971). Идеи А. Вежбицкой получили глубокое, всестороннее развитие в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов (Борботько, 2015; Гаврилова, 2017; Гилева, 2009; Кормилицына, 2006; Кузнецова, 2020; Лукина, 2011; Ляпон, 1986; Николаева, 1987; Остапенко, 2015; Перфильева, 2006; Ростова, 2000; Фролова, 2021; Czoska, 2018; Piekarczyk, 2015; Tutak, 2012; Witosz, 2008 и др.).

Интерес к феномену неспециализированного метаязыка со стороны социолингвистики и лингвокультурологии привел к формированию в науке о языке отдельного исследовательского направления, известного под названием «обыденная лингвистика» («стихийная лингвистика», «народная лингвистика», «лингвистика обыденного сознания»). Метаязыковые высказывания рядовых носителей языка рассматриваются сторонниками этого направления как материал для реконструкции языковой картины мира, а также ее динамических

преобразований, вызванных разнообразными социальными и этнокультурными процессами (Аругтюнова, 2000; Бредихин, Кравченко, 2026 б; Бульгина, Шмелев, 2003; Вепрева, 2005; Голев, 2009; Гудков, 2009; Кашкин, 2003; Полиниченко, 2009; Шумарина, 2011; Hoeningwald, 1971; Niedzielski, Preston, 2003; Preston, 2004 и др.).

Взгляд на проблему естественного метаязыка с позиций психолингвистики привел к системному изучению метаязыковой рефлексии как одного из важнейших механизмов деятельности сознания (Богин, 1998; Бредихин, 2013 б; Бредихин, Аликаев, 2016; Залевская, 2015; Золотова, 2019; Лебедева, 2009 и др.). Интерес к психическому субстрату естественного метаязыка открыл дорогу серии исследований ментального лексикона носителей языка (Белов, 2020; Захарова, 2014; Золотова, 2005; Bredikhin, Babayants, Pelevina, 2021 и др.).

Изучение проблематики нативного метаязыка получило широкое распространение на почве когнитивно-дискурсивных исследований. Во-первых, лингвистами была замечена и проанализирована способность естественного метаязыка обеспечивать функционирование канала передачи непропозициональной информации, что стало поводом для введения понятия «метадискурс» и его последующего применения в разнообразных практиках дискурс-анализа (Беляевская, 2016; Зайцева, 2020; Золотухин, 2022; Нефедов, 2013; Устинова, 2014; Федотова, 2012; Шаймиев, 1999; Ädel, 2006; Clark, 1996; Hyland, 2005; Vande Koople, 2012; Man Zhang, 2016 и др.). Во-вторых, материальные сигналы метаязыковой рефлексии (метаоператоры) рассматриваются в качестве особого рода дискурсивных маркеров (Богданова-Бегларян, 2019; Викторова, 2015; Горбунова, 2021; Подлеская, 2024; Шилихина, 2015 а и др.).

Объектом исследования являются конструкции обыденного метаязыка, характеризующиеся внутренней референцией и выполняющие в дискурсе функцию интерпретации и описания элементов языкового кода.

Предметом исследования выступают лингвосемиотические свойства обыденного метаязыка, в которых проявляется антиномичная природа исследуемого феномена, сочетающего в себе признаки системы и деятельности.

Цель работы заключается в построении комплексной лингвосемиотической модели функционирования в дискурсе ресурсов обыденного метаязыка, обеспечивающих системное описание естественного языка-объекта.

Ключевая гипотеза исследования состоит в следующем. Обыденный метаязык функционирует в пространстве «трехмерной» лингвосемиотической модели, образованной измерениями семантики, синтактики и прагматики. При этом семиотика метаязыка представляет собой не традиционную семиотику объекта (ввиду консубстанциональности языка и метаязыка – у последнего не может быть собственной семиотики, семиотики вне языка), а семиотику интерпретации объекта. Как сам язык, будучи системно-структурным образованием, реализует себя в измерениях семантики, синтактики и прагматики, так и естественный метаязык представляет собой систему описания языка, разворачивающуюся в границах указанных семиотических измерений. Тем самым конструкции с внутренней референцией, обладающие метаязыковым статусом, формируются не под влиянием исключительно «дискурсивного произвола», но несут в себе отпечаток системности метаязыка как средства описания языкового кода.

Достижение обозначенной цели исследования, а также верификация выдвинутой гипотезы обеспечиваются посредством решения следующих **задач**:

1) разработка системной дефиниции понятия «обыденный метаязык», выявление критериальных признаков его делимитации и определение места в системе метаязыковых коррелятов;

2) осуществление методологической рефлексии для определения научного вектора и перспектив исследования обыденного метаязыка на современном этапе развития лингвистической науки;

3) аргументативное обоснование продуктивности использования авторского методологического аппарата системного интегративного анализа, сформированного на базе исследовательских принципов неоструктурализма;

4) определение и анализ субстанциональных характеристик, свойств и функций обыденного метаязыка, а также особенностей его реализации в контексте дискурсивных практик;

5) обоснование применения таксономического принципа наложения «семиотической решетки» в отношении конструкций обыденного метаязыка в рамках установления их принадлежности к соответствующим семиотическим измерениям;

6) многоаспектная и многоуровневая функционально-типологическая характеристика единиц обыденного метаязыка, относящихся к измерению метаязыковой семантики;

7) функционально-типологическое описание метаязыковых конструкций, относящихся к измерению метаязыковой синтактики;

8) выявление и функционально-типологический анализ конструкций обыденного метаязыка, относящихся к измерению метаязыковой прагматики; исследование их стратегемно-тактического варьирования.

Цель, ключевая гипотеза и задачи работы определили выбор методологии, а также комплекса методов и методик исследования.

В основе избранной **методологии исследования** лежат принципы универсальной (интегральной) лингвистической парадигмы (неоструктурализма). Последняя сочетает в себе системоцентрический и антропоцентрический подходы к изучению языка. Систему исследовательских принципов неоструктурализма составляют: холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность (ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм. Первые три принципа в универсальной парадигме «представляют интересы» системоцентризма, следующие три – антропоцентризма. Ориентация на методологические принципы неоструктурализма обеспечивает, с одной стороны, возврат продуктивного взгляда на язык как на системное явление, с другой – консервацию и развитие наиболее эффективных практик антропоцентризма, нацеленных на изучение языка как деятельности во всем многообразии ее проявлений.

Методология, основанная на объектоцентрической модификации перечисленных выше принципов неоструктурализма, позволила в полном объеме реализовать междисциплинарную направленность исследования, объединившего аналитические возможности семиотики, теории референции, когнитивной и традиционной лингвистики.

Система используемых в работе **методов и методик** позволила сформировать адекватное сочетание индуктивно-эмпирического и дедуктивно-гипотетического векторов исследования. Комплекс общетеоретических и эмпирических методов отвечает специфике решаемых в работе задач и обеспечивает точность, полноту и непротиворечивость получаемых результатов, имеющих высокую степень эмпирической верифицируемости.

Изучение теоретического наследия, относящегося к анализируемой проблематике, осуществлялось при помощи метода нарративной

лингвистической лингвистологии, предполагающего использование приемов осмысления, интерпретации и классификации научных трудов по лингвистике, а также обеспечивающего трансляцию теоретических посылок, аргументов и выводов. Анализ эмпирических данных производился при помощи общенаучных и лингвистических методов. В числе общенаучных методов активно использовался описательный метод, оперирующий приемами наблюдения, интерпретации и типологизации. При решении задачи построения лингвосемиотической модели обыденного метаязыка применялся метод моделирования. В роли специальных инструментов в работе были задействованы элементы функционально-семантического, функционально-синтаксического, функционально-прагматического и контекстуального анализа фрагментов текста, характеризующихся внутренней референцией. На отдельных этапах исследования ограниченное применение находили также методики диалектико-реляционного дискурс-анализа, герменевтико-ноэматического подхода и анализа корпусных данных.

Материалом исследования послужили данные, собранные нами из двух основных источников. Первым из них стали тексты художественных произведений. Обращение к данному источнику продиктовано тем фактом, что выявление автосемантических отрезков текста, обладающих метаязыковым статусом, требует анализа не только формальных, но и семантических признаков, т.е. непосредственного участия исследователя в отборе языкового материала. Более того, структурное и содержательное многообразие метаязыковых конструкций не позволяет ограничиться автоматизированными способами сбора данных ввиду несовершенства машинных систем семантико-семиотической интерпретативной селекции. Этим обусловлено широкое использование метода сплошной и направленной выборки метаязыковых конструкций из текстов современной русской литературы. Таким образом нами был сформирован конкорданс, состоящий из более чем семи тысяч единиц анализа. Результатом системной работы с собранным эмпирическим материалом стало создание «Исследовательского корпуса текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка: семантика, синтактика, прагматика» (Кравченко, 2026), зарегистрированного в установленном порядке в Реестре баз данных (Свидетельство о государственной регистрации № 2026620743 от 18.02.2026).

Выбор в пользу художественных текстов продиктован их «над»-дискурсивностью, заключающейся в смешении признаков и элементов различных типов дискурса. В этом смысле для достижения цели и решения задач настоящего исследования художественный текст представляет собой универсальный «немаркированный» языковой материал. Хронологический период выборки – произведения, опубликованные в диапазоне от последней четверти XX века до 20-х годов XXI века, – обеспечивает синхронность среза изучаемых явлений, относящихся к актуальному состоянию обыденного метаязыка и метаязыковой деятельности. В процессе сбора данных мы ориентировались на произведения современных русских писателей, чей идиостиль характеризуется повышенной рефлексивностью повествования, которая приводит к изобилию и разнообразию метаязыковых контекстов в знаковой ткани текста художественного произведения. Основной объем материала был извлечен нами из текстов произведений П. Алешковского, А. Варламова, М. Веллера, Е. Водолазкина, А. Иванова, В. Пелевина, Ю. Полякова, Д. Рубиной, Р. Сенчина, М. Степновой, Т. Толстой. Причиной этому стала высокая плотность метаязыковых контекстов в текстах произведений указанных писателей.

Вторым источником эмпирических данных послужил Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ). В частности, широкое обращение к материалам основного, газетного и устного подкорпусов обеспечило дополнительное привлечение примеров в объеме свыше 10 000 единиц анализа. При формировании эмпирической базы из материалов НКРЯ приоритет отдавался метаязыковым конструкциям, употребление которых в дискурсе было зафиксировано в последние три десятилетия. Использование корпусных данных доказало свою эффективность при изучении метаязыковых конструкций, обладающих четко выраженными формальными признаками. Привлечение материалов НКРЯ позволило провести исследование в русле датацентризма. Работа с корпусом открыла доступ к максимально большому количеству контекстов употребления разного рода метапоказателей и снабдила инструментарием для обработки квантитативной информации, что создало необходимые условия для глубины и достоверности научного поиска.

В тексте диссертации при подаче языкового материала, иллюстрирующего тезисы и положения работы, предусмотрено оформление соответствующих ссылок, в которых фиксируется источник отобранного примера – НКРЯ (с указанием подкорпуса) или база данных (далее – БД) № 2026620743.

Считаем необходимым подчеркнуть, что при отборе эмпирического материала мы руководствовались принципом «стилистического плюрализма», включая в корпус примеров метаязыковые конструкции, употребление которых характерно для разных стилей и подстилей национального языка. Типологическое единство конкорданса обеспечивается общностью онтологической природы анализируемых метаязыковых конструкций, являющихся отражением и воплощением на поверхности дискурса результатов непрофессиональной метаязыковой рефлексии говорящего.

Теоретико-методологической базой работы послужили научные достижения, принципы и положения, выработанные в следующих исследовательских областях и направлениях:

предметный блок эпистемологии:

общая эпистемология и теория научных парадигм (Израилевский, Поляков, 1990; Кун, 1975; Лекторский, 2001; Моль, 1973; Поппер, 1983; Розин, 2000; Фуко, 1994; Lakatos, 1978 и др.);

частная эпистемология лингвистики и история лингвистических учений (Алефиренко, 2002; Алпатов, 1993; Березин, 2000; Бугорская, 2004; Караулов, 2010; Костомаров, 2014; Кубрякова, 1994; Маслова, 2018; Паршин, 1996; Руденко, 1993; Серио, 1993; Степанов, Проскурин, 1993; Фрумкина, 1996 и др.);

теория универсальной лингвистической парадигмы (Дубровская, 2019; Постовалова, 2016; Золян, 2021; 2022; Факторович, Руденко, 1993 и др.);

предметный блок логики и семиотики:

формальная логика (Аристотель, 1978; Тарский, 1972; Ajdukiewicz, 1934; Carnap, 1964; Wittgenstein, 1974 и др.);

теория референции (Алимурадов, 2003; Арутюнова, 1976; Куайн, 1982; Лебедева, 1991; Падучева, 2010; Рассел, 1982; Стросон, 1982; Фреге, 1997; Фролова, 2008; Шмелев, 1995 и др.);

общая семиотика (Барт, 2000; Деррида, 2000; Золян, 2016; Косиков, 2000; Моррис, 2001; Налимов, 2003; Пирс, 2000; Соломоник, 2004; Степанов, 1971; Фещенко, 2005; Эко, 2004 и др.);

лингвистическая семиотика (Бенвенист, 1974; Золян, 2015; Ельмслев, 1960; Карасик, 2024; Кубрякова, 2001; Лосев, 1982; Солнцев, 1977; Соссюр, 1977; Степанов, 1985; Уфимцева, 1974 и др.);

предметный блок психологии речевой деятельности:

психология сознания (Выготский, 1956; Зинченко, 1991; Леонтьев, 1977; Лурия, 1979; Петренко, 2005; Рубинштейн, 2012; Спиркин, 1972; Улыбина, 2001 и др.);

психолингвистическая теория языкового сознания и метаязыковой рефлексии (Голев, 2009; Залевская, 2015; Золотова, 2019; Леонтьев, 1993; Мыскин, 2015; Ростова, 2008; Сорокин, 1985; Тарасов, 2004, 2014; Устинова, 2012; Уфимцева, Тарасов, 2009 и др.);

предметный блок теории речевой деятельности:

теория текста (Гальперин, 2005; Дейк ван, 1978; Залевская, 2001; Касавин, 2008; Лотман, 2023; Ляпон, 1986; Перфильева, 2006; Сгалл, 1978; Чернявская, 2000; Todorov, 1968 и др.);

теория дискурса (Болдырев, Григорьева, 2020; Борботько, 2006; Гусаренко, 2009; Золян, 2020; Карасик, 2004; Кибрик, 2003; Макаров, 2003; Манаенко, 2016; Dijk van, 1977; Givón, 1979; Langacker, 2001; Harris, 1969; Lutzky, 2012; Schiffrin, 1987 и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлено комплексное, многостороннее и многоаспектное, описание феномена обыденного метаязыка с интегративных позиций неоструктурализма, объединившего принципы изучения языка и речи, дискурсивных медиативных корреляций текстовой и рефлексивной реальности. Впервые построена и эксплицирована «трехмерная» модель обыденного метаязыка, в которой он представлен как интерпретирующая система языка-объекта, действующая в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики. Впервые дана исчерпывающая характеристика семантики, синтактики и прагматики обыденного метаязыка. Разработаны новые принципы типологии конструкций обыденного метаязыка. Представлена многоуровневая типология единиц семантики языка, учитывающая различные формальные и

содержательные критерии; обоснованы принципы разделения синтактики метаязыка на лексическую и грамматическую области; разработаны классификации единиц прагматики метаязыка, участвующих в реализации различных метапрагматических стратегий.

В диссертационном исследовании расширены и углублены представления о системе функций обыденного метаязыка, а также о его конститутивных признаках (свойствах) и структурных единицах. Получили развитие проблемные вопросы разграничения модусных категорий и метатекста, дифференциации признаков высказываний с внешней и внутренней референцией (высказываний «о мире» и высказываний «о языке»). Представлены аргументы в пользу рассмотрения интенционально генерируемых лудических конструкций в качестве продукта метаязыковой деятельности говорящего.

В работе также нашли уточнение вопросы соотношения понятий *языковое сознание* и *метаязыковое сознание*, а также понятий *обыденное метаязыковое сознание* и *профессиональное метаязыковое сознание*.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем реализован комплексный подход к изучению феномена обыденного метаязыка, обеспечивший полноту его рассмотрения в границах базовой антиномии «метаязык как система» vs «метаязык как деятельность». Избранный подход позволил установить лингвосемиотическую модель реализации метаязыкового потенциала естественного языка.

Результаты исследования вносят вклад в описание конститутивных признаков языка, а также уточняют систему выполняемых им функций. Развернутое обоснование получило использование терминологического аппарата для обозначения единиц метаязыка, что создает условия для регулярного и упорядоченного употребления соответствующей терминологии в последующих исследованиях.

Отдельно стоит отметить значимость настоящего исследования для апробации новой методологической платформы, формирующейся на базе синтеза научных идей системоцентризма и антропоцентризма, определенной в работе как *неоструктурализм*. Неоструктуралистский подход позволил обеспечить практическое применение в рамках одного исследования научных принципов, характерных для лингвистики языка и лингвистики речи.

Практическая ценность работы обусловлена применимостью значительного объема ее материалов в различных сферах профессиональной деятельности. Так, разработанные принципы неоструктурализма как универсальной лингвистической категории могут быть экстраполированы на другие исследования, тем самым расширяя практику межпарадигмального синтеза в науке о языке.

В области учебно-методической деятельности материалы диссертации могут быть востребованы при создании образовательного контента для разного рода учебных и учебно-методических изданий (учебников, учебных пособий, хрестоматий, курсов лекций, рабочих тетрадей спецкурсов и спецсеминаров) по общему языкознанию, лингвосемиотике, теории метаязыка и метаязыковой деятельности, семантике и прагматике языковых единиц, стилистике, лингвистическому анализу художественного текста, теории текста и дискурса, теории модусно-диктумного членения высказывания, теории языковой игры и др.

Материалы диссертации могут быть также использованы в лексикографической практике в части кодификации функционально-семантических и прагматических ролей многочисленных метаоператоров, выступающих в дискурсе в качестве сигналов метаязыковой рефлексии.

Выделение и системное изучение в диссертации формальных показателей метаязыковых конструкций открывает дополнительные возможности для формирования специального метаязыкового корпуса языка. Дальнейшее формализованное описание метамаркеров обеспечит возможность автоматизированной выборки высказываний с внутренней референцией.

Ход и результаты исследования дают основания сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Обыденный метаязык представляет собой функциональную ипостась языка, в которой реализуется его синергетический потенциал к самоинтерпретации и самоописанию. Язык и метаязык консубстанциональны, а разграничение между ними проходит по линии референциальной отнесенности: внешняя референция характерна для семиозиса языка; внутренняя референция – для семиозиса метаязыка. Опираясь конструктивными средствами языка, обыденный метаязык «наследует» антиномичную природу последнего, сочетая в себе признаки системы и признаки деятельности.

2. Комплексное многоаспектное исследование обыденного метаязыка требует учета его антиномичной природы, что детерминирует выбор специальной методологической платформы (неоструктурализма), обладающей признаками универсальной лингвистической парадигмы, интегрировавшей в себе принципы системоцентризма для изучения системных характеристик метаязыка и принципы антропоцентризма для изучения его деятельностных характеристик. Системоцентрический подход опирается на: 1) принцип холизма, обеспечивающий примат изучения целостной системы метаязыка над изучением отдельных ее частей; 2) принцип таксономичности, обеспечивающий описание внутренней структуры объекта в виде законченной таксономии; 3) принцип семиотичности, обеспечивающий ориентацию на знаковую сущность метаязыка в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики. Антропоцентризм проявляет себя: 1) в принципе многомерности, допускающем вариативность решений и альтернативную интерпретацию фактов; 2) в принципе функционализма, устанавливающем разнообразие функций метаязыка; 3) в принципе текстоцентризма, формирующем предпосылки рассмотрения метаязыка в качестве текстовой категории. При этом неоструктуралистская методология не базируется на полипарадигмальности современного лингвистического ландшафта, постулирующего диверсификацию исследовательских подходов, а в полной мере является реализацией комплексного интегративного подхода к изучению языкового феномена, обладающего признаками лингвистической антиномии.

3. Набор конститутивных признаков (свойств) обыденного метаязыка определяется его онтологической природой, восходящей к рефлексивным механизмам деятельности метаязыкового сознания, а также неомогенностью структуры самих метаязыковых конструкций. Свойствами обыденного метаязыка являются рефлексивность, интерпретативность, полифункциональность, дискурсивность и полиморфность.

4. Обыденный метаязык способен выполнять в дискурсе ряд функций, образующих систему контекстно обусловленных метаязыковых ролей. Базовыми родовыми функциями обыденного метаязыка выступают информационно-исследовательская и моделирующая. Первая обеспечивает возможность осуществления разного рода исследовательских процедур над

элементами языкового кода и реализуется в виде метафатической, пояснительной, характеризующей, оценочной, поисковой, связующей и категоризирующей эпифункций. Вторая преследует цель творческого осмысления, переработки и креативного воплощения элементов кода в дискурсе.

5. Сложность и противоречивость феномена обыденного метаязыка определяется действием целого ряда антиномий, которые, с одной стороны, обеспечивают его коммуникативную гибкость и полифункциональность, с другой – затрудняют установление предметно-понятийных и фактических (позитивных) границ явления. К числу важнейших антиномий обыденного метаязыка относятся:

- 1) антиномия «обыденного» и «профессионального», проявляющаяся в гибридизации направленности и содержания метаязыковой рефлексии;
- 2) антиномия «модуса» и «диктума», закладывающая возможность рассмотрения метаязыка как в качестве модусной, так и в качестве диктумной категории;
- 3) антиномия «знака» и «денотата», формирующая потенциальную синкретичность конструкций в отношении их референциальной отнесенности, затрудняя тем самым разграничение «высказываний о мире» и «высказываний о языке».

6. Обыденный метаязык структурно представляет собой семиотику интерпретации языка-объекта, функционирование которой укладывается в рамки трехмерной модели: метаязык интерпретирует и описывает язык в разрезе его семиотических измерений – семантики, синтактики и прагматики.

7. Под семантикой метаязыка понимаются результаты интерпретации и описания собственно языковых знаков или их последовательностей. Единицами семантики метаязыка выступают метаязыковые конструкции (рефлексивы), в которых зафиксированы результаты рефлексии над различными характеристиками языковых знаков. Релевантным признаком, определяющим основание для классификации рефлексивов, выступают принципы функционирования метаязыковой рефлексии. Она может опираться как на семасиологический принцип (протекать от заданного знака к его характеристикам), так и на ономасиологический принцип (осуществляться в процессе выбора знака, занимая пространство от предметно-понятийной области к ее обозначению). Действие указанных принципов обеспечивает разделение семантики метаязыка на семасиологию и ономасиологию метаязыка. Рефлексивы

семасиологического типа (интерпретативы) характеризуются статичностью, нелинейностью и открытостью структуры, а рефлексивы ономасиологического типа (инвестигативы) – динамичностью, линейностью и закрытостью структуры.

8. Типология рефлексивов семасиологического типа (интерпретативов) имеет многоярусную структуру. Нижний ярус типологии формируется на основании общесемантических показателей (рефлексивы дескриптивного и оценочного значения) и формальных показателей (рефлексивы формы (внешней и внутренней) и значения («ближнего» и «дальнего») знака). Верхний ярус таксономии опирается на признак глубины метаязыковой рефлексии, которая может носить как поверхностный, так и глубинный характер, что обуславливает наличие у рефлексивов качественных градуальных характеристик. Различия в указанных характеристиках выступают основанием для деления рефлексивов на *констатирующие* и *операциональные*. Семантические, формальные (объектные) и качественные (градуальные) признаки рефлексивов дополняют друг друга, формируя разноуровневую и многоаспектную картину семасиологии метаязыка.

9. Типология рефлексивов ономасиологического типа (инвестигативов) опирается на особенности протекания процесса нетривиального выбора знака, который сегментируется на несколько этапов: 1) собственно этап поиска адекватной номинации; 2) этап оценки выбранной номинации; 3) этап коррекции выбора. На каждом из указанных этапов рефлексии рождается соответствующий рефлексив: 1) хезитация, 2) оценка и 3) коррекция выбора.

10. Синтактика метаязыка представляет собой внутрисистемное измерение семиотической триады, в котором фиксируются и эксплицируются отношения, возникающие между элементами кода в синтагматической цепи (в тексте). Пространство синтактики метаязыка образовано разноструктурными метаязыковыми конструкциями, в которых отражаются результаты рефлексии над внутритекстовым взаимодействием знаков. Указанное пространство членится на лексическую и грамматическую области. Лексический метатекст ориентирован на эксплицитное выражение отношений между знаками и обеспечивает передачу идеи кореферентности за счет лексикализации предметных и реляционных особенностей языкового кода, а также номинализации коммуникативных намерений говорящих. Грамматический

метатекст задействует имплицитные формы выражения внутритекстовых отношений и реализуется через инструменты служебных слов, лексическая полноточность которых была утрачена в процессе их грамматикализации.

11. Функционирование лексического метатекста обеспечивается средствами металексики. Лексический метатекст, с одной стороны, создает кореферентную среду в тексте, тем самым обеспечивая его когезию и когерентность, а с другой – актуализирует автономное употребление знака. При этом различаются два типа метатекстовых актуализационных конструкций. Интродуктивный тип реализуется в тех случаях, когда слово-актуализатор выступает в роли антецедента, т.е. предшествует в пространстве текста слову-автоному. Рекуррентный тип актуализации имеет место в случаях, когда слово-актуализатор оказывается в позиции постцедента, тем самым сигнализируя о переключении референциальных планов с внешнего на внутренний.

12. Грамматикализованные конструкции используются при маркировании композиционно-содержательных и содержательных структур метатекста. Композиционно-содержательные структуры метатекста определяют отношения между частями текста как элементами его композиции и существуют в двух своих функциональных вариантах. В первом из них с помощью метатекста определяются: порядок развертывания смысла, смысловые доминанты сообщения, место фрагмента в общей структуре текста и т.д. Второй вариант представляет собой фиксацию отступления от традиционного порядка изложения информации и реализуется с помощью одного из трех структурно-семантических типов метатекстовых конструкций, которые соотносятся с пространственной моделью восприятия текста: 1) метатекст-проспекция; 2) метатекст-ретроспекция и 3) метатекст-алиоспекция. Тем самым метатекст сигнализирует о разнонаправленных перемещениях «курсора сознания» в текстовом пространстве. Содержательные структуры метатекста нацелены на раскрытие смысловых отношений между элементами текста. Они передают либо отношения тождества, либо отношения квазитожества (псевдотожества) между синтаксическими единицами.

13. Прагматика метаязыка характеризуется как семиотическое измерение, в котором интерпретируются отношения, возникающие между субъектами коммуникации и используемыми ими знаками. Ввиду диалогичности

коммуникации поле прагматики метаязыка разделяется на два кластера: «знак↔продуцент» и «знак↔реципиент». Тем самым формируются два автономных раздела прагматики метаязыка: прагматика адресанта и прагматика адресата.

14. Ввиду активной позиции говорящего в отношении используемых знаковых средств, в пространстве между знаком и адресантом реализуется целый ряд метапрагматических стратегий: стратегия авторизации кода, стратегия социокультурной локализации кода и стратегия эвфемизации / дисфемизации. В результате реализации указанных стратегий элементам кода сообщаются личностные, культурные и социальные качества, признаки и характеристики субъекта коммуникации.

15. В пространстве между знаком и адресатом реализуется метапрагматическая стратегия преобразования кода. Она ориентирована на механизмы лингвокреативности и манифестируется в явлениях языковой игры, которые квалифицируются в качестве особых единиц обыденного метаязыка (суггестивов). Интенционально генерируемые лудические конструкции референтны не к внеязыковой действительности, а к элементам кода. Они демонстрируют уникальное соотношение знакового, понятийного и предметного компонентов референциальной модели. В реализации установленной модели задействованы компенсаторный, аттрактивный / дистрактивный, актуализационный и трансформационный механизмы внутренней референции.

Апробация работы. Исследование прошло многоуровневую апробацию, нашедшую отражение в выступлениях на конференциях научно-теоретической и научно-практической направленности, в публикациях материалов диссертации в монографических и ведущих рецензируемых изданиях. Так, результаты исследования были представлены и обсуждались на 34 международных, всероссийских и региональных конференциях, конгрессах и форумах.

Основные положения и результаты исследования опубликованы в 62-х работах автора, среди которых три монографии, 28 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (в том числе 5 статей в изданиях, индексируемых в базе данных SCOPUS).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы; определены объект, предмет, цель и задачи, методология и материал исследования; сформулированы ключевая гипотеза и положения, выносимые на защиту; представлены сведения об апробации работы.

В **первой главе «Неоструктурализм как интегральная парадигма лингвистических исследований»** определяется теоретико-методологическая база работы. Установлено, что динамика лингвистических идей обеспечивается эволюционной сменой методологических платформ (парадигм). В данной части работы нашли отражение проблематика подходов к их выделению, а также вопросы жизненного цикла парадигм и парадигмальной цикличности.

Анализ данных, относящихся к лингвистической историографии, показал, что диалектический механизм развития лингвистики заключается в конкуренции и последовательной смене антропоцентрической и системоцентрической парадигм. Современное языкознание характеризуется идейным плюрализмом, который задает одновременно несколько направлений его потенциального развития. Актуальный лингвистический контекст создает предпосылки для формирования и закрепления интегральной парадигмы. Одной из перспективных форм ее реализации выступает методология неоструктурализма, обеспечивающая возврат к фундаментальным позициям системоцентризма при сохранении наиболее продуктивных идей антропоцентризма (Золян, 2022). Систему исследовательских принципов неоструктурализма образуют: холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность (ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм. Первые три принципа в универсальной парадигме «представляют интересы» системоцентризма, вторые три – антропоцентризма.

Принцип холизма обеспечивает системность за счет примата целостного взгляда на предмет исследования и отказа от односторонности, избирательности и редукционизма. Таксономичность призвана организовать исследовательские процедуры, установить и продемонстрировать внутреннюю структуру

изучаемого феномена. Принцип семиотичности устанавливает необходимость взгляда на объект исследования как на знаковую сущность, формулирует целесообразность его описания сквозь призму семиотических измерений. Принцип многомерности призван противостоять догматичности исследования, обеспечивать баланс общего и частного в рассматриваемой проблематике, а также допускать альтернативные подходы к интерпретации имеющихся фактов. Принцип функционализма проявляется в стремлении изучать явление с позиций выполняемых им функций. Принцип текстоцентризма демонстрирует ориентацию на текст (дискурс) как главный объект изучения современной лингвистики.

Принципы неоструктурализма демонстрируют свою продуктивность при изучении и описании феномена обыденного метаязыка ввиду того, что последний, будучи одной из ипостасей естественного языка, характеризуется той же антиномичностью, что и сам язык. Метаязык – это одновременно и деятельность, и система (продукт деятельности). Однако научная практика свидетельствует о том, что подавляющее большинство исследований посвящено изучению метаязыка как деятельности (метаязыковой деятельности). Ориентация на принципы неоструктурализма позволяет соблюсти необходимый исследовательский баланс в изучении системных и деятельностных характеристик метаязыка.

История становления понятия метаязыка в логике, семиотике и лингвистике создала предпосылки для формирования его многозначности и возможности узкой и широкой трактовок. Узкий взгляд на метаязык фактически сводит его к лингвистической терминологии. Широкий взгляд позволяет относить к метаязыку все языковые средства, участвующие в осуществлении внутренней референции, т.е. отсылающие к самому языку или его элементам. В настоящей работе принята широкая трактовка метаязыка. Под обыденным метаязыком в работе понимается система средств и функций, обеспечивающая реализацию способности естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации.

Перспективы исследования обыденного метаязыка с позиций неоструктурализма обобщены и представлены на схеме (рис. 1).

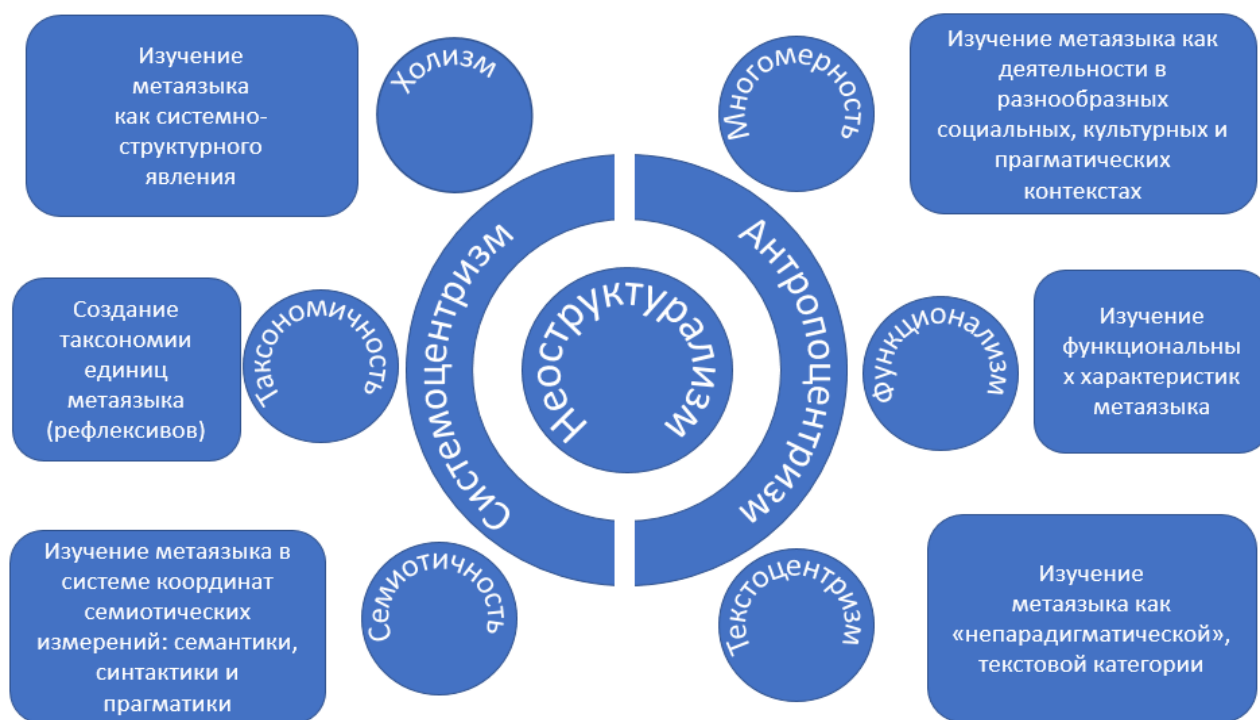

Рисунок 1 – Перспективы реализации принципов неоструктурализма в исследовании обыденного метаязыка

Во второй главе «Обыденный метаязык как система и как деятельность: определение теоретического фундамента и отправных точек исследования» устанавливаются конститутивные признаки и границы изучаемого феномена, представлена характеристика обыденного метаязыка как сложного, многомерного и многоаспектного явления, синтезирующего в себе признаки деятельности и продукта деятельности. Фундаментальная антиномия «деятельность / система» находит отражение как в специфическом наборе онтологических, функциональных и структурных признаков метаязыка, так и в дифференциации подходов к их лингвистическому изучению и описанию.

Психическим субстратом метаязыковой деятельности и метаязыка как ее продукта выступает метаязыковое сознание коммуникантов. Будучи динамическим образованием, метаязыковое сознание активно задействует механизм рефлексии в целях осмысления и интерпретации языкового кода. Результаты рефлексии фиксируются на поверхностном уровне дискурса в конструкциях, обладающих метаязыковым статусом.

В ходе исследования были установлены пять конститутивных признаков (свойств), формирующих природу обыденного метаязыка как уникального

феномена речевой деятельности. Ими являются: полифункциональность, рефлексивность, интерпретативность, дискурсивность и полиморфность (рис. 2).

Рисунок 2 – Модель конструктивных признаков (свойств) обыденного метаязыка

Рефлексивность выступает в качестве свойства, определяющего онтологический и гносеологический статус метаязыка. Она проявляется в опоре метаязыка на рефлексивные механизмы метаязыкового сознания.

Свойство **интерпретативности** заключается в направленности на осмысление, интерпретацию и объяснение элементов языкового кода. По сути, метаязык играет роль интерпретативного механизма языка, а метаязыковая конструкция представляет собой интерпретанту знака или последовательности знаков. Именно в метаязыковых комментариях раскрываются мотивационные механизмы номинативной деятельности, отражающие содержательные константы языковой картины мира.

Полифункциональность метаязыка формирует его востребованность со стороны субъектов коммуникации, репрезентируемая на «макроуровне» и на «микроуровне». Макроуровневая полифункциональность проявляется в многообразии семантических и коммуникативно-прагматических ролей, свойственных метаязыковой функции языка. Микроуровневая полифункциональность – в способности отдельных единиц (метаоператоров) в зависимости от контекста выполнять различные метаязыковые роли.

Свойство **дискурсивности** определяется тем фактом, что метаязыковой статус языковые конструкции обретают в дискурсе в результате их автореферентного использования. Единицы языка могут быть осмыслены и воспроизведены нами вне рамок дискурсивных практик. Они пребывают в «парадигматической реальности», лишены данного онтологического качества. Поэтому вне дискурса метаязык «растворяется» в языке.

Полиморфность определяется разнообразием структурно-языковых форм, воплощающих результаты метаязыковой рефлексии. Синтаксическое пространство, занимаемое элементами метаязыка, значительно варьируется. Вместе с ним изменяется роль метаязыковых структур в текстообразовании.

Обыденный метаязык выполняет две базовые функции: информационно-исследовательскую и моделирующую. В основе разделения лежит направленность метаязыковой рефлексии. Системное представление функций позволяет увидеть целостную картину реализации метаязыкового начала в дискурсе.

Информационно-исследовательская функция опирается на ориентировочно-исследовательские механизмы психики субъекта и обеспечивает возможность обращения коммуникантов к языковому коду в ходе речевой деятельности с целью концентрации на нем дополнительного внимания, осуществления разного рода исследовательских процедур, а также извлечения из него необходимой информации, важной для поддержания эффективной коммуникации. Она характеризуется содержательной неоднородностью, что делает целесообразным выделение в её родовом таксономическом пространстве перечня видовых функций. Каждая из видовых функций (эпифункций) – метафатическая, пояснительная, характеризующая, оценочная, поисковая, связующая и категоризирующая – занимает в системе свою содержательную нишу и «работает» на раскрытие объема родового понятия.

Метафатическая эпифункция содержательно близка фатической функции (Р. Якобсон). Она связана с установлением контакта между воспринимающим сознанием субъекта и частью языкового кода (как правило, словом). Метафатическая функция призвана поместить тот или иной отрезок текста (дискурса) в фокус сознания, тем самым «настаивая» на его дополнительном осмыслении: *На одной их чаше покоилось светлое будущее с крепкой, добела*

отмытой карьерной лестницей, ... с гарантированной месткомовской путевкой в летние (летние!) Гагры (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743).

Пояснительная эпифункция поддерживает коммуникативную ясность кода. Пояснение семантики единиц кода в большинстве случаев преследует цель преодоления агнонимичности языковых структур: *Но избитый, как на грех, оказался младшим братом печально знаменитого Гвоздя – Мишки Гвоздева, недавно откинувшегося, что значит – вернувшегося из тюрьмы* (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743).

Характеризующая эпифункция является продолжением пояснительной эпифункции. Однако исследовательские процедуры в ней идут дальше и глубже. Результаты подобного исследования кода представляются в виде его разнообразных характеристик, которые могут иметь семантический, семантико-стилистический, функциональный, коммуникативный, нормативный и иной характер: *И все-таки я патриот – я люблю наше жестокое несправедливое общество живущее в условиях вечной мерзлоты. <...> После слова «общество» должна была стоять запятая* (В. Пелевин «Ампиr В» // БД № 2026620743).

В **оценочной эпифункции** реализуются другие возможности исследования кода. Если пояснение и характеристика кода связаны с исследованием его дескриптивных сущностей, то теперь исследование переходит в область оценочных сущностей. В метаязыковых комментариях дается оценка элементу кода: *О нем говорили страшное слово – «залечили»* (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743).

Поисковая эпифункция реализуется в случаях, когда денотативная отнесенность отправителем сообщения определена, но он испытывает затруднения с облечением её в знаковую форму. В отличие от вышеописанных эпифункций, поисковая эпифункция осуществляется по отношению к семиозису не *post factum*, а *ante factum*, т.е. непосредственно в процессе кодирования. В процессе поиска адресант осуществляет выбор необходимого элемента кода: *Настоящего удивления (даже, пожалуй, восхищения) заслуживало только одно...* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743).

Связующая эпифункция способствует формальному и смысловому единству текста (дискурса). В процессе реализации данной эпифункции текст

насыщается специальными метаязыковыми (метатекстовыми) элементами, фиксирующими внутритекстовые связи. Они представляют информацию, указывающую на смысловую эквивалентность, причинно-следственные отношения отрезков текста, на направление хода мыслей адресанта, на их резюмирование, а также обеспечивают навигацию внутри текста: *А второй закон звучал так: «Творящая воля человека не должна создавать радикально новых форм». Другими словами, отныне медиумам разрешалось лишь воспроизводить существующее* (В. Пелевин «Смотритель» // БД № 2026620743).

Категоризирующая эпифункция заключается в осмыслении знака, открывающем возможность обнаруживать в нем признаки, позволяющие причислить его к некоторым категориям. Слова-категории фигурируют в качестве семантических ниш, заключающих исходные единицы кода: *Стертая метафора «жизненный путь» хороша тем, что передает некую устремленность пережитого, не делает его механической суммой событий* (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743).

Второй базовой функцией обыденного метаязыка является **моделирующая функция**, отличающаяся от информационно-исследовательской онтологически, структурно и содержательно. Она не образует сложной структуры в виде подфункций и направлена не на извлечение информации о коде, а на его творческое осмысление с целью последующей переработки и креативного использования в речевой деятельности. Моделирующая функция широко задействует потенциал языковой игры. Её отличает имплицитность текстовой реализации, моделирование осуществляется в свернутом виде. Формой её реализации выступают фрагменты кода, в которых смоделированы аллюзии, апеллирующие к прецедентным феноменам, семантике и внутренней форме отдельных знаков: *Если Италии нет – о вкусах спорят. Деньги пахнут. О мертвых можно всё. Все дороги ведут в пустоту* (Т. Толстая «Без» // БД № 2026620743); *В декабре роту расквартировали в колхозе «Восьмое марта», но теплее от этого не стало* (Е. Водолазкин «Близкие друзья» // БД № 2026620743).

Система контекстуально обусловленных метаязыковых ролей, обладающих информационно-исследовательской и моделирующей спецификой, образует содержание феномена, который в лингвистике принято называть метаязыковой функцией языка или функциями обыденного метаязыка (рис. 3).

Рисунок 3 – Модель функций обыденного метаязыка

Отдельный параграф реферируемой главы посвящен определению базовой единицы обыденного метаязыка. Автонимное употребление единиц языка может принимать разнообразные формы и занимать знаковое пространство от отдельного слова до целого текста. Поэтому наиболее подходящим родовым термином для обозначения единицы метаязыка видится *рефлексив*, внутренняя форма которого отсылает к факту метаязыковой рефлексии, а также допускает разнообразие объема и коммуникативной направленности метаязыковой конструкции. Тем самым преодолевается отсутствие изоморфизма между единицами языка и метаязыка и задается подвижность синтаксических границ единиц метаязыка.

Обыденный метаязык представляет собой феномен с зыбкими границами. Сложность их установления определяется действием трех антиномий, сочетающих в метаязыке признаки: 1) «обыденного» vs «профессионального»; 2) модуса и диктума; 3) высказываний «о мире» и высказываний «о языке».

В результате деятельности метаязыкового сознания фиксируются содержательно гетерогенные структуры, разделение которых осуществляется по шкале «профессиональное / обыденное», что становится поводом для выделения соответствующих форм сознания. Однако в ходе исследования было установлено, что указанные формы не характеризуются замкнутостью. Метаязыковое сознание несводимо к совокупности отдельных модулей, а является целостным

образованием. Профессиональная или обыденная направленность рефлексии определяется целевыми установками коммуникантов и заданными параметрами дискурса. Проведенный анализ функционирования лексемы *смысл* в составе метаоператоров в лингвистических текстах в полной мере свидетельствует о том, что «научное» и «наивное», «профессиональное» и «обыденное» в метаязыковом сознании (а затем и в метаязыке) зачастую переплетаются.

Единство онтологического субстрата метаязыка (метатекста) и модуса – рефлексивной деятельности сознания Говорящего – способствовало формированию научной позиции, в соответствии с которой метаязык (метатекст) представляет собой одну из модусных категорий, т.е. является разновидностью модуса. Однако, как отмечено нами в реферируемой главе, многоаспектные проявления метаязыка не укладываются в объем понятия модусной категории. На это указывают следующие факты: способность метатекста выступать в качестве средств выражения целого ряда модусных категорий (т.е. факт инструментальности метатекста по отношению к модусу); различия в референциальной отнесенности (для модуса характерны контексты с внешней референцией, для метатекста – с внутренней); способность метатекста выступать в позиции диктума.

На примере коррекционных конструкций (в частности, конструкций, вводимых с помощью метакорректоров *точнее, вернее, скорее*) показана потенциальная референциальная синкретичность высказываний, вызванная фактом консубстанциональности языка и метаязыка и проявляющаяся в переплетении признаков суждений о мире и языке. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о существовании двух типов синкретичных конструкций: собственно синкретичных и псевдосинкретичных.

Потенциал обыденного метаязыка приобретает осязаемые контуры, манифестируясь в дискурсивных практиках, представляющих альтернативное пространство, в котором высказывания с внешней и внутренней референцией чередуются, семантически и синтаксически сочетаются, образуя динамично разворачивающийся смысловой комплекс. Отдельные дискурсивные практики, в которых наблюдается широкое употребление высказываний с метаязыковым статусом, квалифицируются в качестве метацентрических дискурсов.

Третья глава «Семантика обыденного метаязыка» открывает

последовательное описание функционирования конструкций обыденного метаязыка в рамках «трехмерной» лингвосемиотической модели. Семиотика метаязыка трактуется как семиотика интерпретации объекта. В ней реализуется потенциал системного описания языка-объекта в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики, решается задача представления многоаспектной и многоуровневой функционально-типологической характеристики метаязыковых единиц, относящихся к измерению метаязыковой семантики. Предметное поле семантики метаязыка образуют отрезки текста (дискурса), в которых объективированы результаты рефлексии в отношении самых разных сторон и аспектов знака как автономной сущности.

Релевантным признаком, определяющим основание для классификации семантических рефлексивов, выступает направленность метаязыковой рефлексии. Она может опираться как на семасиологический принцип, т.е. протекать от заданного знака к его характеристикам: ... *само слово «летальный исход» ... не испугало, а утешило его. Он понял все очень просто и буквально: «летальный» - от слова «летать». Наверное, так оно и было: когда человек умирает, он улетает* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743), так и на ономасиологический принцип, т.е. осуществляться в процессе выбора знака, занимая пространство от предметно-понятийной области к ее обозначению: *И несколько последующих лет можно считать счастливыми, но ... но пустоватыми* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743). Действие указанных принципов обеспечивает разделение семантики метаязыка на семасиологию и ономасиологию метаязыка. Рефлексивы семасиологического типа определяются как рецептивные ввиду того, что в них происходит восприятие и осмысление заданного элемента кода. Рефлексивы ономасиологического типа характеризуются как продуктивные ввиду того, что их рождение неотделимо от акта семиозиса.

Выявленные типы обладают набором дистинктивных признаков, которые устанавливаются путем сопоставления рефлексивов в рамках следующих дихотомий: 1) «статика / динамика»; 2) «линейность / нелинейность»; 3) «открытость / закрытость структуры».

Первая дихотомия позволяет определить объект рефлексии как статичную

единицу: *Левер понч* (подзаголовок рассказа – М.К.). *Был когда-то в профессиональном боксе такой жаргонный термин, обозначающий сокрушительный вдребезги неожиданный удар; в буквальном переводе это удар ломом* (М. Веллер «Марина» // БД № 2026620743); или динамичное явление (процесс): *И вы действительно очень похожи внешне на Максима Даниловича, и ребята вас уже ... ну, полюбили ...* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743).

Вторая дихотомия раскрывает положение рефлексива относительно основной линии семиозиса разворачивающегося дискурса, при этом либо относя рефлексив к основной линии повествования (признак линейности): *Подняла лицо на секунду – вообще! Я такой прибалдел. Лунарики ... не, глаза – глаза у неё, настоящие – тёмные, яркие такие, большие ...* (Р. Сенчин «Сюжеты» // БД № 2026620743), либо выводя его за пределы данной линии (признак нелинейности): *Да, важно: мы ведь расписались (какое советское словечко!)* (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743). В последнем примере рефлексив помещен в рамку парентетической конструкции, что подчеркивает автономию метаязыкового комментария относительно основной линии повествования.

Третья дихотомия разделяет рефлексивы по наличию или отсутствию объекта рефлексии в структуре самого метаязыкового комментария. В рефлексивах открытого типа объект рефлексии получает эксплицитное выражение: *Оказывается, саркофаг – это название породы камня, который добывали в Троаде и который имеет свойство уничтожать без остатка тело и даже кости мертвеца, поэтому из него строили гробницы* (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743). В рефлексивах закрытого типа объект рефлексии невербализован, им выступает семиотическая связь знака и денотата: – *Вадим, тебе не кажется, что вы как-то ... перестарались, что ли?..* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens» // БД № 2026620743).

Установлено, что рефлексивы семасиологического типа характеризуются статичностью, нелинейностью и открытостью структуры, а рефлексивы ономасиологического типа – динамичностью, линейностью и закрытостью структуры. Для обозначения семасиологических рефлексивов обосновывается введение термина *интерпретативы*, для ономасиологических рефлексивов – термина *инвестигативы* (от лат. investigation – «поиск»).

Семантика интерпретативов соответствует базовым категориям языковой семантики, отражающим фундаментальное противопоставление дескриптивных значений значениям оценочным. Интерпретативы с дескриптивной семантикой передают результаты рефлексии над разного рода семиотическими характеристиками языковых единиц: особенностями внешней и внутренней формы, собственно-языкового и когнитивно-прагматического содержания, происхождения, узуального и нормативного употребления и т.д. Типичным примером интерпретатива с дескриптивной семантикой является метаязыковой комментарий, в котором раскрывается значение потенциально непонятного слова: – *Вегетация – это период развития растений* (А. Иванов «Вегетация» // БД № 2026620743). Интерпретативы с оценочной семантикой представляют собой оценочные комментарии к элементам языкового кода: *Говорят – групп. По-дурацки звучит, честное слово. А раньше красиво: инфлюэнца ...* (Е. Водолазкин «Музей» // БД № 2026620743).

В качестве релевантного признака, положенного в основание типологии интерпретативов с дискрептивной семантикой, выступает объект метаязыковой рефлексии. Верхний ярус типологии образуют группы интерпретативов, описывающих 1) форму знаков и 2) содержание знаков. Следующий ярус типологии формируется выделением интерпретативов внешней формы (характеризуют материальную оболочку знака в ее фонетическом или графическом исполнении): *Девушка, удивительно похожая на Арину. Только в имени ее было на одну букву больше. Марина* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); и интерпретативов внутренней формы (актуализируют морфосемантическую структуру знака): *Вот именно – малознакомый. Знакомый, но мало* (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743).

Интерпретативы, описывающие содержательные характеристики элементов языкового кода, в свою очередь, подразделяются на «интерпретативы ближнего значения» и «интерпретативы дальнего значения». Первые интерпретируют собственно языковую семантику знака: *Еще нужно испечь артосы – особые большие пасхальные хлебы ...* (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святы» // БД № 2026620743). Вторые представляют собой комментарии, в которых находит отражение информация энциклопедического характера,

актуализация которой в пространстве рефлексива обеспечивается обращением говорящего к когнитивно-дискурсивному полю текста: – *Экспертиза есть нейролингвистическое программирование на службе анонимной диктатуры* (В. Пелевин «Ампиr В» // БД № 2026620743).

При таксономии метаоценок наряду с формальным признаком «объекта рефлексии» в работе использовался семантический признак, что позволило выделить два обширных класса метаоценок: 1) интерпретативы, выражающие общеоценочные значения, и 2) интерпретативы, выражающие частнооценочные значения. Интерпретативы с общеоценочной позитивной или негативной семантикой отличаются относительной однородностью и транслируют метаоценки, которые обладают прототипическим значением «хороший / плохой»: – *Да, – охотно согласился я, – стараюсь, пока не могу, но терпенье и труд все перетрут... – Золотые слова!* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *И как сейчас, война между теми и другими называлась политикой. Плохое слово!* (С. Залыгин «Уроки правнука Вовки» // НКРЯ, ОПК).

Интерпретативы с частнооценочной семантикой гораздо менее однородны и подразделяются на следующие группы: 1) сенсорно-оценочные: *И тогда впервые прозвучало холодное слово «оружие»* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743); 2) психолого-оценочные: *А потом почти забылось радостное слово «бабушка» ...* (протоиерей Георгий Чистяков «Старушки моего детства» // НКРЯ, основной подкорпус (далее – ОПК)) и 3) прагма-оценочные: *Он по-французски выписал на шпаргалку три ключевые слова – «бонжур», «пардон» и «мерси»* (М. Веллер «Легенда о стажере» // БД № 2026620743).

Еще один системный признак, определяющий таксономию интерпретативов, имеет самое непосредственное отношение к природе феномена обыденного метаязыка. Им выступает признак глубины метаязыковой рефлексии. Последняя может носить как поверхностный, так и глубинный характер, что каузирует возможность наличия у интерпретативов качественных градуальных признаков.

Фокус поверхностной метаязыковой рефлексии остается в границах буквального восприятия объекта, а в самом рефлексиве номинируются, констатируются объективные характеристики знака. Такого рода интерпретативы в работе получили название *констатирующих*. В них, как

правило, в эксплицитной форме декларируются формальные и содержательные особенности элементов языкового кода: *...и все там было прекрасно: и чистые линии стен и проемов, ... и общее ощущение **пустоты, простора, прохлады, покоя и еще многих понятий на букву «п»*** (Т. Толстая «Прожиточный минимализм» // БД № 2026620743); *... он уже успел приложиться, теперь **закусывал «курятиной» – смолил едкую сигарету...*** (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743).

Фокус глубинной метаязыковой рефлексии выходит за рамки буквального восприятия объекта. Направленность рефлексии трансформируется от констатирующей к исследовательской, а поиск знания осуществляется через когнитивные операции, связанные с оценкой, сравнением, категоризацией объекта рефлексии, помещением его в разного рода ассоциативные ряды. Интерпретативы, образованные в результате действия глубинной метаязыковой рефлексии, в работе определены как *операциональные*: ***В слове «БЛО» чувствовались неиссякаемые запасы жизненной силы и одновременно что-то негуманоидное ...*** (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743).

Анализ рефлексивов ономаσιологического типа (инвестигативов) позволил прийти к выводу об их содержательной неоднородности. Дифференциация инвестигативов на отдельные таксономические группы связана с особенностями протекания процесса нетривиального выбора знака, в ходе которого реализуется рефлексия ономаσιологической (поисковой) направленности. Данный процесс сегментируется на несколько этапов: 1) собственно этап поиска адекватной номинации; 2) этап оценки выбранной номинации; 3) этап коррекции выбора. На каждом из указанных этапов рефлексии рождается соответствующий рефлексив: 1) инвестигатив-хезитация; 2) инвестигатив-оценка; 3) инвестигатив-коррекция.

Инвестигатив-хезитация маркирует метаязыковое напряжение в дискурсе в виде колебаний коммуниканта, свидетельствующих о трудностях в процессе выбора номинации. В тексте хезитация выражается как с помощью паралингвистических средств (паузы хезитации и паралингвистических сигналов): ***Трудно не признать, что глубокоуважаемый дипломат избрал весьма, э-э, убедительную форму защиты своих научных взглядов ...*** (М. Веллер

«Оружейник Тарасюк» // БД № 2026620743); так и с помощью собственно лингвистических средств (вводные слова и обороты, союзы и союзные слова, неопределённые наречения, частицы): – *И снова с вами не соглашусь*, – сказала я. – *Это предельно мужская картина мироздания. Я бы даже сказала, шовинистическая* (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743).

Инвестиатив-оценка отражает результаты метаязыковой рефлексии на предмет соответствия денотативно-понятийного содержания значению выбранной номинации. Оценка, представленная в метаязыковом комментарии, дает заключение о степени успешности проведенного метаязыкового поиска. Семантика данных инвестиативов носит градуальный характер (три класса оценок).

Во-первых, инвестиативы с помощью комплекса метаоператоров выражают положительную оценку, что свидетельствует об успешном выборе номинации: *Стала накатывать паника. Именно накатывать – как-то волнами* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743). Во-вторых, благодаря употреблению соответствующих метаоператоров фиксируется частичное соответствие между экстралингвистической реальностью и значением знака (говорящий приходит к выводу о допустимости употребления знака в данной ситуации): *Мне четыре бутылки выдал – нам с тобой на опохмел. Завещал, можно и так сказать!* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743). В-третьих, инвестиатив может содержать негативную оценку выбора номинации: *Она всю жизнь проработала учительницей, была законопослушной, покорной любой власти ... Нет, «покорной» – не то слово* (Р. Сенчин «Петля» // БД № 2026620743).

Инвестиатив-коррекция является реакцией на негативную оценку продуцентом выбранного знака, приводящей к перезапуску процедуры метаязыкового поиска. Он представляет собой конструкцию, состоящую из следующих компонентов: 1) корректируемого знака; 2) корректирующего знака; 3) специального метапоказателя коррекции (лингвистического редактирования): *С уборкой не помогали, только наблюдали или, лучше сказать, надзирали* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743).

В четвертой главе «Синтактика обыденного метаязыка» представлена многоаспектная и многоуровневая функционально-типологическая характеристика метатекста. Синтактика метаязыка характеризуется как внутрисистемное

измерение семиотической триады. Являясь измерением семиотики интерпретации, синтактика метаязыка фиксирует и эксплицирует отношения, формирующиеся между элементами кода в синтагматической цепи (в тексте).

Для обозначения рефлексивов, относящихся к синтаксическому измерению, в главе обосновывается использование термина метатекст как наиболее подходящего (ввиду его прозрачной внутренней формы и сложившейся под влиянием трудов А. Вежбицкой традиции разделения гетерогенной структуры текста на собственно текст и метатекст) для передачи особенностей внутритекстовых отношений, а также информации о конструктивном каркасе текста.

Исследование метатекстовых структур ведет к заключению о целесообразности разделения области синтактики метаязыка на лексическую и грамматическую. **Лексический метатекст** ориентирован на эксплицитное выражение отношений между знаками и обеспечивает передачу идеи кореферентности за счет лексикализации предметных и реляционных особенностей кода и номинализации коммуникативных намерений говорящих. **Грамматический метатекст** задействует имплицитные формы выражения внутритекстовых отношений. Он формируется посредством грамматикализации многочисленных вводных слов и оборотов, как правило, содержащих глаголы речевых действий в качестве одного из своих элементов («короче говоря», «кстати сказать», «что называется», «иначе говоря» и др.). Грамматикализуясь, указанные метаоператоры принимают на себя роль коммуникативных сигналов, свидетельствующих о факте разноаспектной интерпретации синтаксических отношений.

Лексический метатекст, с одной стороны, создает кореферентную среду в тексте, тем самым обеспечивая его когезию и когерентность, а с другой – актуализирует автономное употребление знака. В зависимости от синтаксической позиции знака-актуализатора по отношению к знаку-автоному в работе различаются два типа метатекстовых актуализационных конструкций. Интродуктивный тип актуализации автономного употребления знака реализуется в тех случаях, когда слово-актуализатор выступает в роли антецедента, т.е. предшествует в пространстве текста слову-автоному: *Я понимаю, что слова «в центре души» звучат странно – у души ведь никакого центра нет* (В. Пелевин «Ампиr В» // БД № 2026620743). Реккурентный тип актуализации имеет место в

случаях, когда слово-актуализатор оказывается в позиции постцедента, тем самым сигнализируя о переключении референциальных планов с внешнего на внутренний: *Мы тут с Иннокентием говорили о высшей справедливости. Он любит это выражение* (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743).

Функционирование лексического метатекста обеспечивается средствами металексики, позволяющей говорящему эффективно и адекватно коммуникативному замыслу чередовать референциальные планы, переходя от внешнего поля референции к внутреннему. Металексика играет важную роль в функционировании синтаксического измерения обыденного метаязыка и рассматривается как семантико-синтаксическая категория. Принадлежность к металексике определяется способностью слова обозначать различные единицы коммуникации, выступать в функции «вместилища» для передачи определенных «квантов» информации.

В реферируемой главе представлена типологическая картина металексики. Ее особенность заключается в разделении металексики на два лексико-семантических класса слов: лингвокоммуникативного и социокоммуникативного. Лингвокоммуникативный класс состоит из лексем, для которых значение «быть знаком чего-либо» фактически является основным. Он образуется следующими лексико-семантическими разрядами слов: лингвистическим, семиотическим, логико-коммуникативным, лингвориторическим и текстуальным. Социокоммуникативный класс образован лексемами, которые значение «знаковой субстанции», «вместилища информации» приобретают только в контексте. Данный класс включает в себя следующие разряды лексики: коммуникативный, прагмакоммуникативный, ментальный, социокультурный и жанровый.

С помощью грамматического метатекста оформляются конструкции метаязыкового характера, содержащие информацию об особенностях отношений между элементами кода, развернутыми в тексте. Грамматический метатекст реализуется через инструменты служебных слов, лексическая однозначность которых была утрачена в процессе их грамматикализации.

Наряду с конститутивными признаками грамматикализации, состоящими в динамичности, градуальности, стадильности и обратимости (необратимости) явления, грамматические конструкции метатекста обладают набором видовых признаков, наличие которых объясняется семантическими, формальными и

функциональными особенностями выражения метаязыковых значений на уровне синтактики метаязыка.

Семантический признак заключается в генерализации метаязыковых значений, которые сводятся к двум основным типам. Значения первого типа формируются вокруг интерпретации композиционной структуры текста и обеспечения внутритекстовой навигации. В значениях второго типа фиксируются отношения тождества (квазитожества, псевдотожества) между синтаксическими единицами.

Формальный признак указывает на незавершенность цикла грамматикализации метатекстовых конструкций. Уровень грамматикализации метатекстовых средств ограничивается манифестацией служебной роли знаков без признаков их трансформации в клитики и формообразующие аффиксы.

Функциональный признак заключается в стандартизации средств выражения метатекста. Указанные средства образуют открытый функциональный класс знаков – сигналов метаязыковой рефлексии. С точки зрения выполняемых ими функций они могут быть как причислены к разряду так называемых «коннекторов», т.е. элементов, обеспечивающих синтагматические связи, так и отнесены к дискурсивным единицам языка (дискурсивам), обслуживающим вспомогательную систему передачи смысла в дискурсе.

Грамматикализированные конструкции используются при маркировании композиционно-содержательных и содержательных структур метатекста. Композиционно-содержательными структурами метатекста в работе названы автономные отрезки текста, характеризующиеся внутренней референцией и определяющие отношения между частями текста как элементами его композиции и представлены двумя своими функциональными вариантами. В первом из них с помощью метатекста определяются порядок разворачивания смысла, смысловые доминанты сообщения, место фрагмента в общей структуре текста, маркируются отдельные этапы композиционного замысла: *Начнем с того, что само уникальное здание Культурно-спортивного центра в Новом Уренгое замечательно подходит для проведения акции («Северная сказка» / «Экран и сцена» // НКРЯ, ОПК).*

Второй вариант представляет собой фиксацию отступления от традиционного порядка изложения информации. Указанные нарушения композиционного порядка, обозначенные специальными средствами метатекста, формируют для реципиента область «упорядоченного хаоса», призванную

обеспечить адекватность восприятия сообщения (текста). В зависимости от особенностей нарушения композиционного порядка выделяются три структурно-семантических типа метатекстовых конструкций, названия которых соотносятся с пространственной моделью восприятия текста: 1) метатекст-проспекция; 2) метатекст-ретроспекция и 3) метатекст-алиоспекция.

Метатекст сигнализирует о разнонаправленных перемещениях «курсора сознания» в текстовом пространстве. Метатекст-проспекция фиксирует факт перемещения «вперед» относительно актуальной точки развертывания смысла: *Забегая вперед, нужно сказать, что Совет не остановился на достигнутом и окончательно прижал вольницу* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743). Метатекст-ретроспекция заставляет реципиента вернуться «назад» в пространстве знаковой ткани текста: *С амуницией же у Народной партии, как отмечалось выше, пока все в порядке* (О. Щукин «Раёк от Райкова» // НКРЯ, ОПК). Метатекст-алиоспекция указывает на отвлечение от основной темы сообщаемого, на перемещение «в сторону»: *Быстрый автомобиль должен еще уметь хорошо тормозить – к слову, на всех «Корветах» рубежа 60-х колесные колпаки имели сдвоенные прорези не для красоты, а для лучшей вентиляции тормозов* (А. Новиков, Д. Гронский «Двое в лодке» // НКРЯ, ОПК).

Содержательные структуры метатекста представляют собой автономные отрезки текста, характеризующиеся внутренней референцией и направленные на раскрытие смысловых отношений между элементами текста, тем самым обеспечивая связность и целостность сообщаемого. Такого рода метатекстовые конструкции передают либо отношения тождества, либо отношения квазитожества (псевдотожества) между синтаксическими единицами. Отношения тождества между компонентами текста маркируются метаоператорами, передающими идею формального и семантического единства (*то есть, значит, дословно* и др.): *Только вот загвоздка: чтобы прошлое не поблекло, его нужно постоянно подпитывать, то есть перечитывать Книгу* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743).

Отношения квазитожества представляют собой содержательные расширения и усложнения семантики тождества, связанные с определенными формальными или семантическими показателями. Квазитожество

(псевдотождество) реализуется через указание на формальные различия между фрагментами текста при сохранении их содержательного единства: *Он запоминал образами. Иначе говоря: всякому явлению придумывал оболочку и эту оболочку запоминал...* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743).

В пятой главе «Прагматика обыденного метаязыка» представлена многоаспектная и многоуровневая функционально-типологическая характеристика единиц прагматики метаязыка, определены принципы их стратегическо-тактического варьирования.

Поле прагматики метаязыка образовано рефлексивами, характеризующими отношения между субъектами коммуникации и используемыми ими знаками. Ввиду диалогичности коммуникации поле прагматики метаязыка разделяется на два кластера: «знак↔продуцент» и «знак↔реципиент». В первом из них объектом метаязыковой рефлексии выступают отношения между знаками и адресантом, во втором – между знаками и адресатом. Тем самым формируются два автономных раздела прагматики метаязыка: прагматика адресанта и прагматика адресата.

Прагматика адресанта опирается на характеризующую эпифункцию информационно-исследовательской функции метаязыка и раскрывает особенности отношений между говорящим и знаками. Содержание рефлексивов, относящихся к разделу прагматики адресанта, определяется набором коммуникативных и социокультурных факторов, влияющих на отношения между продуцентом и элементами языкового кода. Для обозначения такого рода рефлексивов используется термин *регулятив*, внутренняя форма которого указывает на то, что метаязыковое высказывание актуализирует и регулирует коммуникативные регистры взаимодействия между продуцентом и знаком.

Изучение предметного поля прагматики адресанта позволило установить, что широкий спектр метаязыковых характеристик речи связан с личностью говорящего. Активная позиция субъекта коммуникации и возникающие как её следствие отношения между говорящим и кодом манифестируются в целом ряде метапрагматических стратегий. К их числу относятся стратегия авторизации кода, стратегия социокультурной локализации кода и стратегия эвфемизации / дисфемизации.

Сущность метапрагматической **стратегии авторизации кода** заключается

в определении авторской принадлежности речевого отрезка. Субъект речи способен выступать в качестве как автора, так и медиатора, а в отдельных случаях намеренно дистанцироваться от выбранных знаков. В качестве онтологического субстрата данной метапрагматической стратегии выступает категория «Свои vs чужие»: сквозь призму этой ментальной оппозиции человек воспринимает не только объекты окружающей действительности, межличностные и социальные отношения, но в том числе и сам языковой код.

Категорию авторизации кода образуют два содержательных полюса, на одном из которых проявляется свойство эгореферентности речи (авторство говорящий приписывает себе): *Впрочем, если тебе хочется считать, что человек, которого двумя руками в спину толкают под поезд, кончает самоубийством – пожалуйста, твое дело. Только я называю это убийством. Уж извини* (С. Шикера «Египетское метро» // НКРЯ, ОПК); на другом реализуется свойство ксенореферентности (авторство говорящий приписывает другому): *Судя по тому, что сегодня дверь Алексевны плотно закрыта, – её снова взяли в больницу, чтобы, как говорит дядя Коля, «подремонтировать мозги» и привести в порядок «шарики с роликами»* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743). При этом ксенореферентность выступает маркированным членом данной оппозиции, что проявляется в многообразии средств выражения чужой речи в дискурсе.

Для оформления ксенореферентности используется специальная метаязыковая рамка высказывания, реализуемая в двух типологических вариантах. Первый тип определен как рамка цитирования. Она нацелена на буквальное воспроизведение цитаты, установление ее четких границ и определение ее авторства: *Это удачное выражение «обрастать словами» принадлежит не мне, а Каткову. Катков про И.С. Аксакова говорил: «Он весь оброс словами!» Удивительно верно!* (К. Леонтьев «Над могилой Пазухина» // НКРЯ, ОПК). Второй тип представлен рамкой псевдоцитирования, отражающей альтернативный подход к восприятию говорящим «чужой» речи. Акцентируется семантика чуждости говорящему отдельных элементов кода, которые он вынужден употреблять в своей речи только по необходимости: *Придется, как говорится, грабить, – подвел итог Николай Иванович* (Е. Водолазкин «Чажин» // БД № 2026620743).

Если стратегия авторизации кода передает личностное отношение говорящего к знаку, которое встраивается в понятийную парадигму «своего» и «чужого», то **стратегия социокультурной локализации кода** определяет социальную и культурную принадлежность знака. Возможность такого рода метаязыковых характеристик обусловлена переносом социокультурных качеств продуцента на используемые им знаки. Код неразрывно связан с его пользователем и воспринимается как воплощение или «продолжение» сущности говорящего, превращаясь тем самым в социокультурный феномен. В результате реализации указанной метапрагматической стратегии за знаком могут закрепляться разнообразные группы признаков:

– этнические: *И предложил классический стиль, который отвечает и статусу хозяина дома – как говорят французы, положение обязывает...* («По-английски сдержанно, по-русски душевно» / «Мир & Дом. City» // НКРЯ, ОПК);

– этносоциальные: *А когда году в девяностом молодые воинственные тувинцы из районов – «злые бесы», как их называла русская молодежь, – начнут нашествие на город, тех решительных, смелых, драчливых парней уже не останется* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743);

– собственно социальные: *А вы просто алкоголик, или, как говорят блатные, шобла, ботало* (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей, часть 5» // НКРЯ, ОПК);

– гендерные: *Светка сидела на носу и, как выражаются девчонки, «воображала»: трое ребят, поглядывая на нее со значением, соперничали на веслах* (Л. Кабо «Повесть о Борисе Беклешове» // НКРЯ, ОПК);

– профессиональные: *Слушать это было тяжело; но я старался, чтобы она высказалась, чтобы – как говорят психологи – «вышел весь негатив» ...* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743).

Стратегия эвфемизации / дисфемизации реализуется в виде интенциональной субституции слов, отражающей отношение субъекта речи к выбираемым элементам кода. Эвфемизация и дисфемизация маркируются в дискурсе с помощью специальной метаязыковой рамки, многообразие способов представления которой объясняется вариативностью коммуникативно-прагматической направленности стратегии. Метаязыковое маркирование

эвфемизации способно принимать формы:

– предупреждения (говорящий «предупреждает» о нетривиальном выборе номинации в сообщении): *Ненависть к Галине Леонидовне достигла такой острой формы, что Андрей Николаевич возжелал ее, мстительно представив себе ненавистную тварь в, так сказать, непарламентской позе бегуньей на старте* (А. Азольский «Лопушок» // НКРЯ, ОПК);

– смягчения: *Прибился не к регулярной части – у вэсэушников любые журналисты вызывали, мягко говоря, неприязнь ...* (Р. Сенчин «Петля» // БД № 2026620743);

– поиска (одновременное маркирование эвфемизации и хезитации): *Дело обычное: сколько звезд вышло из секретарш и экономок посредством, как бы это выразиться, личного обаяния* (М. Веллер «Миледи Хася» // БД № 2026620743).

Метаязыковая рамка дисфемизации манифестируется следующими формами:

– предупреждение: – *Ну что, Вика, так сказать, обосрала Панкову?* («Защитник пафоса: памяти Александра Тимофеевского» / «Ведомости» // НКРЯ, газетный подкорпус (далее – ГПК));

– брутализация: *Вообще интересно, ведь на квантовом уровне, грубо говоря, голова не отличается от жопы...* (А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него» // НКРЯ, ОПК);

– получение разрешения: *Вот и приходилось, с позволения сказать, шарашить* (С. Самсонов «Аномалия Камлаева» // НКРЯ, ОПК);

– преодоление (говорящий преодолевает собственные сомнения и решается на использование дисфемизма): *Просто сердце кровью обливается, когда вспоминаешь о таком, не побоюсь этого слова, беспределе!* (Н. Леонов, А. Макеев «Ментовская крыша» // НКРЯ, ОПК);

– проявление вежливости: *Это, говорит, товарищи учителя, не школа, а, простите, бардак!* (М. Веллер «Лаокоон» // БД № 2026620743);

– упрощение (продуцент отправляет сигнал о сознательном понижении лексического регистра): *«А проще говоря, вранье и ложь», – сказал Куприянов (цитата по ТАСС) («В «Газпроме» прокомментировали обвинения в недостаточных объемах поставок газа» / «Ведомости» // НКРЯ, ГПК).*

Предметное поле **прагматики адресата** формируется под действием моделирующей функции, направленной на преобразование кода с целью оказания воздействия на реципиента. Ввиду воздействующей направленности этого типа рефлексивов в работе они обозначаются как *суггестивы*.

В пространстве между знаком и адресатом реализуется метапрагматическая **стратегия преобразования кода**, ориентированная на механизмы лингвокреативности. Изучение особенностей семиозиса конструкций языковой игры дало основание причислить их к субстанциям обыденного метаязыка. Основным аргументом для этого явился характер референции такого рода конструкций: они отсылают не к внеязыковой действительности, а к элементам языкового кода. Большинство конструкций языковой игры опираются на компенсаторный, аттрактивный / дистрактивный, актуализационный и трансформационный механизмы внутренней референции.

Компенсаторный механизм внутренней референции направлен на восстановление формы знака, модифицированной в результате языковой игры. Скрытая референция к исходной форме знака является своеобразной реакцией на возмущение языковой системы. Суггестив апеллирует к традиционной форме знака и указывает на интенциональность девиации в сообщении. Действие компенсаторного механизма наблюдается в конструкциях с нарушениями графической формы: *Уперлась: три, говорит, поколения ЭНТЕЛЕГЕНЦИИ в роду было, не допущу прерывать ТРОДИЦЫЮ* (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743); нарушениями семантической и синтаксической сочетаемости: *Мы спим кровать* (В. Нарбикова «Равновесие света дневных и ночных звезд» // БД № 2026620743); а также в суггестивах, содержащих прецедентные феномены в трансформированном виде: – *Ладно, не ехидничайте! Мы в ответе за тех, кого приучили* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743).

Аттрактивный / дистрактивный механизм нацелен на экспликацию связей, обеспечивающих притяжение / отталкивание между элементами кода. Объектом внутренней референции суггестива являются знаки, вступившие в отношения аттрактивности (дистрактивности). Механизм аттракции / дистракции отличается многообразием своего воплощения. Конструкции языковой игры используют потенциал:

– паронимической аттракции (намеренное сближение в контексте двух слов, обладающих сходным планом выражения, но различающихся планом содержания): – *Я **просвещенный** коммунист, – с холодком ответил агитатор ...*
 – *Вот так власть и **просвистите, просвещенные!*** (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен» // БД № 2026620743);

– фоносемантической аттракции (намеренное сближение на синтагматической оси знаков, в плане выражения которых присутствуют идентичные или однородные по характеристикам звуки): ... ***игуана** действительно невелика, меньше **гиены**, и, подобно последней, ест продукты **гниения**. Оттого-то так важны в джунглях правила личной **гигиены*** (Е. Водолазкин «Микрополь» // БД № 2026620743);

– нарративной аттракции (намеренное сближение на синтагматической оси тематически близких слов): *По желанию Сесилии назвали его **Ипполитом**, что означает **распрягающий коней**. Сама же Сесилия к тому времени также в значительной мере **разнуздалась** и скрывать свою связь с Созонтом не считала нужным* (Е. Водолазкин «Оправдание острова» // БД № 2026620743).

Механизм дистракции запускается противопоставлением семного состава слов и сближением неоднородных контекстов употребления знаков: *Разберем кирки и лопаты и маршем **бодрой печали и горестного ликования** отправимся хоронить своих мертвецов* (С. Соколов «Палисандрия» // БД № 2026620743); *Иногда проще избавиться от **избыточного веса**, чем от **избыточного слова*** (Ю. Поляков «Козленок в молоке» // БД № 2026620743).

Актуализационный механизм обеспечивает преодоление семантической неоднозначности, интенционально вводимой в отдельные контексты. Объектом рефлексии здесь выступает структура многозначного слова. Внутренняя референция направлена на актуализацию ситуативно обусловленного значения и адекватную дешифровку сообщения. Актуализация значения осуществляется как эксплицитными средствами (через синтагматическое окружение многозначного слова): *Да, панове, можно сказать, что моя жизнь прошла на этих десяти сотках. Допустим, что она сложилась не так, как я хотел. А может, и просто сложилась. Схлопнулась. Смялась, как этот спичечный коробок...* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); так и за счет обращения к

структурам имплицитного знания (через осмысление дискурсивной информации и процедуру инференции): *Марина по филфаковской программе до Щедрина не дошла и к постижению классической мудрости возвысилась собственным скромным опытом; что бесспорно делает ей **честь, хотя и не ту, которой она лишилась, приобретая этот опыт*** (М. Веллер «Марина» // БД № 2026620743).

Трансформационный механизм внутренней референции связан с переводом сообщения на «альтернативный» язык. Данный механизм реализуется в двух формах: межъязыковой и межсемиотической. Межъязыковая трансформация достигается смешением языковых кодов в пределах одного сообщения. Такого рода суггестивы апеллируют к знаниям иноязычного кода: *В медийном сообществе игнорировать сетевой дневник ельцинской дочери Татьяны Дьяченко-Юмашевой просто не **comme il faut*** (Е. Додолев «Буря в стакане ЖиЖи» // НКРЯ, ОПК).

Межсемиотическая трансформация имеет место в конструкциях, образованных в результате смешения гетерогенных кодов (вербального и иконического). Указанные конструкции реферируют к способам межкодового взаимодействия в ходе оформления высказывания (рис. 4).

Рисунок 4 – Пример механизма межсемиотической трансформации

В приведенном примере слоган находит визуальное подкрепление в изображении гиперболической направленности, демонстрирующем превосходство в прочности мучного изделия над изделием металлическим.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и определяются перспективы дальнейшего изучения феномена обыденного метаязыка.

В результате исследования подтверждена ключевая гипотеза о манифестации обыденного метаязыка в пространстве «трехмерной» лингвосемиотической модели, образованной измерениями семантики, синтактики и прагматики. Тем самым обыденный метаязык трактуется как

синтагматической цепи (синтактика метаязыка) и между знаками и субъектами коммуникации (прагматика метаязыка). Тем самым в единицах синтактики и прагматики метаязыка сокращается глубина признака «мета», и они вытесняются на периферию метаязыкового пространства (рис. 6). При этом ближе к ядру располагаются единицы синтактики метаязыка: они интерпретируют отношения между знаками, в то время как единицы прагматики метаязыка определяют отношения между сущностями, одна из которых (субъект коммуникации) вообще не обладает знаковой природой.

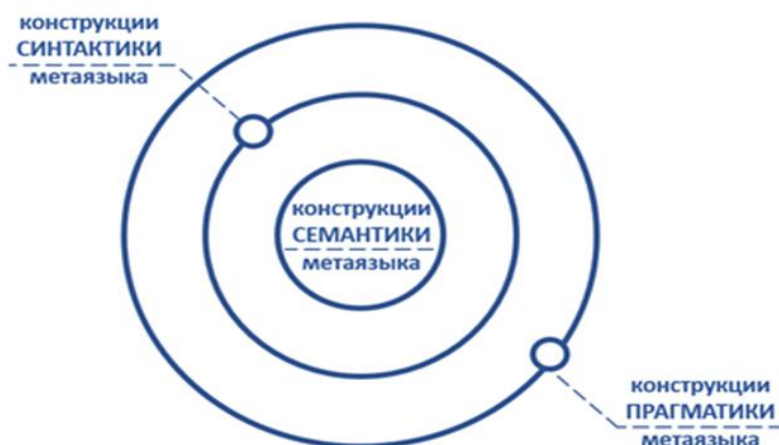

Рисунок 6 – Ядро и периферия метаязыковых конструкций

Полученные результаты исследования свидетельствуют о продуктивности использования принципов неоструктурализма, обладающего чертами интегральной лингвистической парадигмы, в процессе комплексного многоаспектного изучения явлений и фактов речевой деятельности.

**Основные положения настоящего диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

Монографии:

1. Кравченко, М. А. Явления языкового абсурда: металингвистический, когнитивно-дискурсивный и семиотический аспекты (на материале русскоязычных и франкоязычных художественных текстов) / И. В. Голубева, М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2010. – 182 с. (10,0/3,0 п.л.)
2. Кравченко, М. А. Прологомены к интегральному анализу метаязыка (неоструктуралистская парадигма) / М.А. Кравченко. – Ставрополь: Параграф,

2025. – 184 с. (9,0 п.л.)

3. Кравченко, М. А. Обыденный метаязык как интерпретирующая система: семантика, синтактика и прагматика / М.А. Кравченко. – Ставрополь: Параграф, 2026. – 265 с. (12,0 п.л.).

Статьи в изданиях, входящих в базы данных Scopus и Web of Science:

4. Кравченко, М. А. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики) / М. А. Кравченко, О.В. Кравченко // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 400–421. (1,4 / 0,7 п.л.)

5. Кравченко, М. А. Дистрибутивные интерпретанты в метаязыке кроссворда / М. А. Кравченко // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 83–92. (0,6 п.л.)

6. Кравченко, М. А. Метаязык в зеркале его функций / М. А. Кравченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 172–184. (1,2 п.л.)

7. Кравченко, М. А. Семасиологический и ономазиологический факторы порождения метаязыковых комментариев: к определению оснований для построения семантической типологии рефлексивов / М. А. Кравченко // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 226–239. (0,9 п.л.)

8. Кравченко, М. А. Предпосылки становления неоструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы / М. А. Кравченко // Слово.ру: балтийский акцент. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 6–23. (1,3 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

9. Кравченко, М. А. Язык кроссвордов: направления и перспективы исследования / М. А. Кравченко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 4. – С. 175–180. (0,6 п.л.)

10. Кравченко, М. А. Взаимодействие структур значения и смысла как механизм создания явлений языкового абсурда (на примере произведений В. Нарбиковой) / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44), Ч. 2. – С. 112–114. (0,3/0,15 п.л.)

11. Кравченко, М. А. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (51), Ч.1. – С. 105–108. (0,5/0,25 п.л.)

12. Кравченко, М. А. Кроссворд как продукт метаязыковой деятельности носителей языка / М. А. Кравченко // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 3 (51). – С. 139–145. (1,0 п.л.)

13. Кравченко, М. А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина / М. А. Кравченко // Современный ученый. – 2022. – № 3. – С. 41–49. (1,1 п.л.)
14. Кравченко, М. А. Языковые мифологемы в зеркале топонимики Ростовской области / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1-2. – С. 138–143. (1,0 / 0,5 п.л.)
15. Кравченко, М. А. Если угодно: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале национального корпуса русского языка) / М. А. Кравченко // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – Вып. 9, № 4. – С. 57-67. (1,2 п.л.)
16. Кравченко, М. А. «И долго мучился над словом, которое не хотело приходить»: о наивной ономастиологии в художественном тексте / М. А. Кравченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 1. – С. 42–52. (1,2 п.л.)
17. Кравченко, М. А. Лингвистическая терминология глазами наивного лингвиста (на материале языка кроссвордов) / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, Вып. 7. – С. 2222–2228. (0,8 / 0,4 п.л.)
18. Кравченко, М. А. Метакорректоры точнее, вернее, скорее: в поисках слова или денотата? / М. А. Кравченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 97, № 2. – С. 62-69. (1,0 п.л.)
19. Кравченко, М. А. Ономастические рефлексивы в пространстве художественного текста (на материале произведений Е. Водолазкина) / М. А. Кравченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1. – С. 147–154. (1,0 п.л.)
20. Кравченко, М. А. Отражение метаязыковой рефлексии в современной рекламе, или когда метатекст важнее текста / М. А. Кравченко // Litera. – 2023. – № 4. – С. 118–130. (1,5 п.л.)
21. Кравченко, М. А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста / М. А. Кравченко // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1 (32). – С. 103–111. (1,2 п.л.)
22. Кравченко, М. А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления / М. А. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023.

– Т. 16, № 3. – С. 773–779. (0,8 п.л.)

23. Кравченко, М. А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы / М. А. Кравченко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 34–41. (0,9 п.л.)

24. Кравченко, М. А. Метаязык – метатекст – метадискурс: от термина к исследовательскому ландшафту / М. А. Кравченко // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 70–82. (1,2 п.л.)

25. Кравченко, М. А. Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам / М. А. Кравченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 88–100. (1,3 п.л.)

26. Кравченко, М. А. Свойства естественного неспециализированного метаязыка / М. А. Кравченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 3 (82). – С. 88–98. (1,2 п.л.)

27. Кравченко, М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов / М. А. Кравченко // СибСкрипт. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 85–96. (1,4 п.л.)

28. Кравченко, М. А. О смыслах смысла по данным обыденного метаязыка / М. А. Кравченко // Когнитивные исследования языка. – 2025. – Вып. 1 (62). – С. 301–305. (0,4 п.л.)

29. Кравченко, М. А. Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra / М. А. Кравченко // Верхневолжский филологический вестник. 2025. – № 2 (41). – С. 153–161. (1,0 п.л.)

30. Кравченко, М. А. Обыденный метаязык как феномен культуры (на материале рефлексивов с семантикой оценки) / С.Н. Бредихин, М.А. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2026. - №1 – С. 18–29. (1,2 / 0,6 п.л.)

31. Кравченко, М. А. Антиномии обыденного метаязыка / С.Н. Бредихин, М.А. Кравченко // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2026. – № 3. – С. 76–85. (1,0 / 0,5 п.л.)

Статьи в других научных изданиях:

32. Кравченко, М. А. Апеллирование к системным отношениям слова как способ описания его значения (на материале языка кроссвордов) / М. А. Кравченко // Актуальные проблемы современной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2005. – С. 105–108. (0,2 п.л.)

33. Кравченко, М. А. Базовые категории описания языка кроссвордов / М. А. Кравченко // Язык и культура в эпоху глобализации: проблемы лингвистики и методики: Материалы региональной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 03 июня 2005 г.). – Ростов-на-Дону : РГЭУ, 2005. – С. 68–70. (0,1 п.л.)
34. Кравченко, М. А. Значение и интерпретанта знака / М. А. Кравченко // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам конференции, посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина (Нижний Новгород, 23–25 мая 2006 г.). – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского университета, 2006. – С. 221–222. (0,1 п.л.)
35. Кравченко, М. А. Средства, способы и формы кодирования номинаций в кроссворде / М. А. Кравченко // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах: Тезисы III Международной научной конференции (Челябинск, 27–28 апреля 2006 г.). – Челябинск : ЧГУ, 2006. – С. 166–168. (0,1 п.л.)
36. Кравченко, М. А. Апеллирование к компонентам структуры лексического значения в процессе кодирования номинации / М. А. Кравченко // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.). Часть 1. – Кемерово: ЮНИТИ, 2006. – С. 21–27. (0,5 п.л.)
37. Кравченко, М. А. К вопросу о металингвистических ресурсах языка (на материале русскоязычных и франкоязычных кроссвордов) / М. А. Кравченко // Материалы Международной конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Волгоград, 18–20 апреля 2006 г.): в 3 ч. Ч. 1. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 133–137. (0, 25 п.л.)
38. Кравченко, М. А. Использование металингвистических трансформаций в процессе преподавания иностранных языков / М. А. Кравченко // Преподаватель высшей школы в XXI веке: труды научно-практической Интернет-конференции. Сборник 8. Ч. 1. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2010. – С. 168–171. (0,25 п.л.)
39. Кравченко, М. А. Содержание понятия «метаязык» в современной лингвистике / М. А. Кравченко // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: Сборник научных статей. – Таганрог: ТГПИ, 2011. – С. 47–50. (0,25 п.л.)
40. Кравченко, М. А. Языковой абсурд как проявление метаязыковой рефлексии / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: Сборник научных статей. – Таганрог: ТГПИ, 2012. – С. 53–60. (0,4 / 0,2 п.л.).

41. Кравченко, М. А. В поисках границы семиотики / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2013. – № 3. – С. 70–78. (0,8 / 0,4 п.л.)

42. Кравченко, М. А. Соотношение вербального и визуального кодов в рекламе: опыт семиотического анализа креолизованных текстов / М. А. Кравченко // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2015 г.). – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2015. – С. 71–82. (0,7 п.л.)

43. Кравченко, М. А. От гипонима к гиперониму и наоборот: об одной стратегии толкования значений слов в кроссворде / М. А. Кравченко // Язык. Культура. Коммуникация: материалы XV Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 15 июня 2022 г.): в 2 ч., Ч. 1. – Ульяновск: УлГУ, 2022. – С. 57–64. (0,4 п.л.)

44. Кравченко, М. А. Аббревиатуры как объект метаязыковой рефлексии / М. А. Кравченко // Язык. Культура. Коммуникация: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 15 июня 2023 г.): в 2 ч., Ч. 1. – Ульяновск: УлГУ, 2023. – С. 113–121. (0,5 п.л.)

45. Кравченко, М. А. От поиска слова к поиску смысла жизни, или Грани метаязыковой рефлексии в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже» / М. А. Кравченко // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.). – Казань: Изд-во Казанского университета, 2023. – Т. 2. – С. 90–94. (0,25 п.л.)

46. Кравченко, М. А. Паронимическая аттракция как маркер метаязыковой рефлексии / М. А. Кравченко // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Вып. 1: сб. научных статей. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. – С. 133–139. (0,4 п.л.)

47. Кравченко, М. А. Метадискурс: «дискурс о дискурсе» или «дискурс в дискурсе»? / М. А. Кравченко // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и лингводидактики: материалы 31-й Международной научно-практической конференции (Москва, 19 апреля 2024). – Москва : МПГУ, 2024. – С. 139–146. (0,4 п.л.)

48. Кравченко, М. А. Метаязыковое маркирование прагматических стратегий эвфемизации / дисфемизации в дискурсе / М. А. Кравченко // Шкатовские чтения: материалы Международной научной конференции (Челябинск, 01 ноября 2024 г.). – Челябинск: ЧелГУ, 2024. – С. 184–189. (0,3 п.л.)

49. Кравченко, М. А. О функциях метаязыковой рефлексии в художественном произведении (на примере текста романа Р. Сенчина «Дождь в Париже») / М. А. Кравченко // Перевод. Язык. Культура: материалы XIV Международной научно-практической конференции (памяти Н.Л. Шадрина и к 30-летию факультета иностранных языков) (Санкт-Петербург, 19–20 мая 2023 г.). – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 75–79. (0,25 п.л.)

50. Кравченко, М. А. Семантика и прагматика метаоператора «дословно» / М. А. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций: материалы VII международной научно-практической конференции (Таганрог, 16–17 мая 2024 г.). – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2024. – С. 37–42. (0,3 п.л.)

51. Кравченко, М. А. Скажем так: семантико-прагматический потенциал метаоператора (по данным Национального корпуса русского языка) / М. А. Кравченко // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 8. Материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ (Красноярск, 10–14 сентября 2024 г.). – Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2024. – С. 72–77. (0,3 п.л.)

52. Кравченко, М. А. «Чужая речь» как метапрагматическая категория / М. А. Кравченко // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: материалы V международной научной конференции (Москва, 12 сентября 2024 г.). – Москва : КДУ, 2024. – С. 74–79. (0,3 п.л.)

53. Кравченко, М. А. Эстетика слова в зеркале метаязыкового сознания / М. А. Кравченко // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: материалы II Всероссийской научной конференции (Барнаул, 1–2 ноября 2023 г.). – Барнаул: АлтГПУ, 2024. – С. 99–105. (0,5 п.л.)

54. Кравченко, М. А. Объективное и субъективное в содержании слова: взгляд через призму метаязыковой рефлексии / М. А. Кравченко // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: сборник материалов VIII Международной научной конференции (Курган, 18–19 апреля 2025 г.). – Курган : КурГУ, 2025. – С. 285–290. (0,3 п.л.)

55. Кравченко, М. А. Метаязыковая рефлексия в дискурсивном пространстве (о коммуникативных причинах «называть вещи своими именами») / М. А. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций: материалы VIII международной научно-практической конференции (Таганрог, 15–16 мая 2025 г.). – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2025. – С. 49–54. (0,3 п.л.)

56. Кравченко, М. А. На пересечении метаязыка и прагматики: о реализации метапрагматических стратегий в дискурсе / М.А. Кравченко // Языковое и культурное взаимодействие стран инициативы «Один пояс – один путь»: сборник материалов международной научно-практической конференции (Челябинск, 04–06 апреля 2025 г.). – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2025. – С. 734-740. (0,4 п.л.)

57. Кравченко, М. А. Метадискурсивность современной рекламы: к определению механизмов внутренней референции в конструкциях языковой игры / М.А. Кравченко // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Материалы XII Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 15–16 мая 2025 г.). – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2025. – С. 88-96. (0,5 п.л.)

58. Кравченко, М. А. Индивидуально-авторская мотивация слов как механизм создания «другой» реальности в текстах произведений В. Пелевина / М.А. Кравченко // Текст как культурно-языковой феномен: материалы Международной научно-практической конференции (Луганск, 19–20 ноября 2025 г.). – Луганск: ЛГПУ, 2025. – С. 173–185. (0,6 п.л.)

59. Кравченко, М. А. Внутритекстовая актуализация семантики знака средствами обыденного метаязыка (на примере функционирования метаоператора «в N-ом смысле») / М.А. Кравченко // LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 25–31 марта 2025 г.). – СПб.: СПбГУ, 2026. – С. 1082-1083. (0,1 п.л.)

60. Кравченко, М. А. Под знаком мысль или под мыслью знак: о метаязыковом употреблении лексемы мысль / М.А. Кравченко // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции «Речь. Речевая деятельность. Текст» (Таганрог, 31 октября 2025 г.). – Таганрог: ТГПИ, 2026. – С. 46–54. (0,5 п.л.)

61. Кравченко, М. А. Система обыденного метаязыка в разрезе его семиотических измерений / М.А. Кравченко // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов (Краснодар, 02–03 апреля 2026 г.). – Краснодар: КубГУ, 2026 г. – С. 216–224. (0,5 п.л.)

Свидетельство о регистрации баз данных

62. Кравченко, М.А. Исследовательский корпус текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка: семантика, синтактика, прагматика / М.А. Кравченко // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2026620743, 18.02.2026.

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 29.06.2026

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman/

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Уч.-изд. л. 2,48. Тираж 100. Заказ № 26021.

Отпечатано в ООО «Ставропольское издательство «Параграф»

г. Ставрополь, ул. Спартака, 8, к. 210

тел.: +7-928-339-48-78

www.paragraf.chat.ru